

Ли Чайлд
Джек Ричер, или Средство убеждения
Серия «Джек Ричер», книга 7

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11080095
Джек Ричер, или Средство убеждения: Эксмо; М.; 2015
ISBN 978-5-699-81393-3

Аннотация

Случайно встретив на улице человека по имени Куин, бывший военный полицейский Джек Ричер не верит своим глазам, ведь десять лет назад он собственноручно казнил негодяя. Как же тому удалось выжить? Чтобы добраться до своего врага, Ричер соглашается помочь двум федеральным агентам вызволить из беды их сотрудницу, работавшую под прикрытием у наркоторговца Захарии Бека, тесно связанного с Куином. Вместе с федералами Ричер разрабатывает легенду, позволяющую ему проникнуть в дом Бека и войти к нему в доверие.

Ли Чайлд – один из лучших современных авторов, работающих в жанре детектива-экшн. Его герой Джек Ричер стал поистине культовой фигурой, воплощением неслышимого героя-детектива.

Содержание

Глава 01	5
Глава 02	18
Глава 03	39
Глава 04	57
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Ли Чайлд

Джек Ричер, или Средство убеждения

© Саксин С.М., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Посвящается Джейн и береговым птичкам

Глава 01

Полицейский выбрался из своей машины ровно за четыре минуты до того, как был убит. Он двигался так, словно наперед знал свою судьбу. С трудом открыв дверь, полицейский медленно развернулся на протертом кожзаменителе сиденья и поставил обе ноги на асфальт. Затем ухватился руками за дверной проем и грузно поднялся. Постояв мгновение на прохладном, свежем воздухе, полицейский повернулся и захлопнул дверь. Постоял еще немного. Потом шагнул вперед и облокотился на капот у фары.

У него был семилетний «шевроле каприс». Черный, без каких-либо указаний на принадлежность к полиции. Но над крышей торчали три антенны, а на колесах сверкали хромированные колпаки. Большинство полицейских клянутся и божатся, что лучше «каприса» полицейской машины нет. И этот тип, казалось, придерживался того же мнения. Он был похож на ветерана, вольного выбирать себе любой агрегат с двигателем и на колесах. И на этом древнем «шевви» он ездил потому, что ему так нравилось. Потому что новые «форды» его не интересовали. По его манере держаться было видно, что это упрямый любитель старины. Широкоплечий, плотный, в простом темном костюме из плотной шерсти. Высокорослый, но сутулый. В летах. Покрутив головой, полицейский посмотрел вдоль шоссе на север и на юг, а затем, вытянув тощую шею, оглянулся на ворота колледжа. От меня до него было ярдов тридцать.

Ворота колледжа представляли собой чистую формальность, предназначенную исключительно для церемоний. Из обширной ухоженной лужайки за дорогой просто поднимались два высоких кирпичных столба. Столбы соединяли высокие двустворчатые ворота, сделанные из согнутых и переплетенных в причудливые формы стальных прутьев. Ворота сверкали черной краской. Казалось, их покрасили только что. Вероятно, их красили после каждой зимы. Но они не осуществляли никакой охранной функции. Кто хотел, мог проехать мимо ворот прямо через лужайку. Впрочем, ворота все равно были открыты. За воротами начиналась дорожка, по обе стороны которой в восьми футах от столбов стояли маленькие чугунные кнехты с защелками. К кнехтам были прикреплены створки ворот, распахнутые настежь. Дорожка вела к горстке невысоких кирпичных строений, до которых было ярдов сто. Остроконечные крыши были покрыты мхом, строения терялись в тени деревьев. Дорожка тоже была обсажена деревьями. Деревья росли повсюду. Листья только начинали распускаться. Они были крошечные, скрученные и ярко-зеленые. Шесть месяцев спустя они станут большими, золотистыми и красными, и здесь все будет кишеть фотоаппаратами, спешащими увековечить пейзаж для рекламных проспектов колледжа.

В двадцати ярдах за полицейским и его машиной у ворот на противоположной стороне дороги стоял пикап. Стоял у самой обочины, передом ко мне, ярдах в пятидесяти. Пикап здесь казался не к месту. Выцветшего красного цвета, с могучим кенгурятником на бампере. Тусклый черный кенгурятник, похоже, несколько раз гнули, а затем выпрямляли. В кабине фургона сидели двое. Молодые, высокие, чисто выбритые, светловолосые. Они сидели совершенно неподвижно, уставившись прямо перед собой, никуда не глядя. Парни не смотрели на полицейского. Не смотрели на меня.

Я собирался ехать на юг. У меня был непримечательный коричневый фургон. Я поставил его перед музыкальным магазинчиком. Магазинчик был из тех, какие можно встретить у ворот колледжа. На стеллажах, выставленных на тротуар, лежали подержанные компакт-диски; в витринах красовались плакаты групп, о которых никто не слышал. Задние двери фургона были открыты. В салоне лежали коробки. В руках я держал ворох бумаг. Я был в плаще, потому что стояло прохладное апрельское утро. Я был в перчатках, потому что разорванные коробки оцетинились выпавшими скрепками. Я был при оружии, потому

что частенько ношу с собой пистолет. Он был засунут за пояс сзади, под плащом. Кольт «анаконда», большой револьвер из нержавеющей стали под патрон 44-го калибра «магnum». Револьвер имел в длину тринадцать с половиной дюймов и весил почти четыре фунта. Оружие как раз по мне. Он был твердый, тяжелый и холодный, и я постоянно его чувствовал.

Услышав, как завелся двигатель пикапа, я оторвался от бумаг. Машина не тронулась с места. Она стояла неподвижно, а двигатель работал на холостых оборотах. Между задними колесами вился белыми колечками выхлопной дым. Воздух был холодным. В этот ранний час улица оставалась пустынной. Обойдя свой фургон, я взглянул за музыкальный магазинчик в сторону зданий колледжа. Увидел перед одним из них черный «линкольн таун кар». Рядом с машиной стояли двое. От меня до них было ярдов сто, но ни один из них не выглядел как водитель. Водители лимузинов не ходят парами, не бывают молодыми и мускулистыми, не ведут себя настороженно. Эти ребята определенно были телохранителями.

Здание, перед которым стоял «линкольн», вероятно, было чем-то вроде общежития. Над массивной деревянной дверью надпись по-гречески. У меня на глазах дверь распахнулась и появился очень худой парень. Судя по всему, студент. У него были длинные спутанные волосы, одет он был как бездомный бродяга, но в руке держал портфель из дорогой блестящей кожи. Один из телохранителей вытянулся в струнку, а другой открыл заднюю дверь лимузина. Бросив портфель на сиденье, парень скользнул в машину. Телохранители задержались, оглядываясь по сторонам, а затем сели вперед, и лимузин тронулся. Следом за ним медленно потащился автомобиль службы охраны колледжа – держась на расстоянии тридцати ярдов, вроде бы и не сопровождающий лимузин, а просто случайно оказавшийся рядом. В машине сидели, развалившись, двое полицейских. Замученные бездельем, умирающие от скуки.

Сняв перчатки, я бросил их в кузов фургона. Шагнул на дорогу, чтобы было лучше видно. «Линкольн» неторопливо приближался. Черный, сверкающий, безукоризненный. Обилие хрома. Обилие полировки. Машина с охранниками колледжа держалась позади. Проехав в церемониальные ворота, лимузин повернул налево и поехал на юг, в направлении черного полицейского «каприса». В направлении меня.

То, что произошло дальше, заняло восемь секунд, однако показалось мне одним мгновением.

Блеклый красный пикап оторвался от обочины. Резко набрал скорость. Нагнал «линкольн» как раз тогда, когда тот поравнялся с «каприсом». Проехал в футе от коленей полицейского. Затем чуть вырвался вперед, водитель выкрутил руль, и кенгурятник углом врезался в передний бампер «линкольна». Водитель пикапа продолжал крутить руль, выталкивая лимузин на обочину. Съехав на газон, «линкольн» сбавил скорость и налетел на дерево. Послышался треск гнущегося и разрывающегося металла, разлетелось вдребезги стекло фары, над капотом поднялось облако белого пара, и маленькие зеленые листочки на дереве шумно затрепетали в неподвижном утреннем воздухе.

Тут двое из пикапа начали стрелять. У них были черные пистолеты-пулеметы, и они стреляли по «линкольну». Грохот стоял оглушительный; на черную крышу лимузина хлынул дождь латунных гильз. Затем нападавшие бросились к дверям «линкольна». Распахнули их. Один, нагнувшись, нырнул в салон и вытащил паренька. Другой продолжал стрелять по передним сиденьям. Потом сунул левую руку в карман и достал гранату. Швырнул ее в машину, захлопнул двери и, схватив своего друга и паренька за плечи, заставил их пригнуться. В салоне «линкольна» сверкнула яркая вспышка. Прогремел взрыв. Все шесть окон разбились вдребезги. Я был больше чем в двадцати ярдах и все равно ощутил удар взрывной волны. Повсюду разлетелись осколки стекла, заискрившиеся на солнце тысячами радуг. Затем тот, кто бросил гранату, подбежал к правой двери пикапа, а другой, запихнув в кабину паренька, торопливо влез следом за ним. Двери захлопнулись, и паренек оказался зажат на

переднем сиденье. Его лицо исказилось от ужаса. Стало белым как полотно. Даже через грязное лобовое стекло я увидел, как рот паренька раскрылся в немом крике. Водитель включил передачу, взревел двигатель, и пикап, визжа шинами, понесся прямо на меня.

Это была «тойота». Я успел разглядеть на решетке за кенгурятником буквы «TOYOTA». Подвеска была высокой, и мне был виден большой черный дифференциал переднего моста. Размером с футбольный мяч. Полноприводная машина. Большие широкие шины. Поблекшая, облупившаяся краска, которую не мыли с тех пор, как машина покинула завод. Она неслась прямо на меня.

У меня было меньше секунды на размышления.

Откинув полу плаща, я выхватил кольт. Тщательно прицелился и выстрелил в радиатор «тойоты». Большой револьвер с ревом дернулся у меня в руке. Массивная пуля 44-го калибра разнесла радиатор. Я выстрелил второй раз, в левую переднюю шину. Покрышка разорвалась в клочья черной резины. Во все стороны разлетелись ярды лопнувшего корда. Пикап пошел юзом и остановился водительской дверью ко мне. В десяти ярдах. Пригнувшись за свой фургон, я захлопнул задние двери, высунулся на тротуар и выстрелил в левую заднюю шину. Тот же результат. Повсюду резина. Накренившись, пикап осел на ободья. Распахнув свою дверь, водитель выскочил на асфальт и упал на колени. Пистолет у него был не в той руке. Я выждал, чтобы быть уверенным в том, что он действительно целится в меня. Затем обхватил левой рукой правое запястье, надежно удерживая четыре фунта колта, прицелился в центр массы, как меня учили давным-давно, и нажал на спусковой крючок. Грудь нападавшего взорвалась большим кровавым облаком. Тощий паренек сидел в машине. Он в ужасе уставился на меня. Но второй тип выскочил из машины и стал обегать капот, наводя на меня оружие. Повернувшись влево, я выждал миг и прицелился ему в грудь. Выстрелил. Тот же результат. Нападавший отлетел спиной на бампер в облаке красного тумана.

Наконец парень зашевелился. Бросившись к нему, я вытащил его из кабины прямо через труп первого нападавшего. Побежал к фургону, увлекая паренька за собой. От шока и смятения его движения были заторможенными. Запихнув паренька в кабину, я захлопнул за ним дверь и поспешил за руль. Краем глаза увидел, как ко мне приближается кто-то третий. Засовывает руку в карман. Высокий широкоплечий тип в темном костюме. Опустив кольт, я выстрелил. Ярко-алый цветок разорвался у него на груди в тот самый миг, когда я понял, что это ветеран-полицейский из «каприса» и он лез в карман за своим значком. Полицейский значок, золотой щит в потрепанном кожаном футляре, вывалился у него из руки и, ударившись о бордюрный камень, упал на асфальт прямо перед фургоном.

Время застыло.

Я не мог оторвать взгляд от полицейского. Он лежал на спине на обочине. Вся его грудь превратилась в сплошное красное месиво. Кровь была повсюду. Грудь не вздымалась и не опускалась. Никаких признаков сердцебиения. На рубашке зияла рваная дыра. Полицейский лежал совершенно неподвижно, повернув голову, вжимаясь щекой в асфальт. Он широко раскинул руки с синеющими на них прожилками. Я особенно остро прочувствовал черноту полосы асфальта, зелень молодой травы, ослепительную голубизну неба. Сквозь отголоски громких раскатов выстрелов, звеневших у меня в ушах, до меня доходил шелест листвы на ветру. Тощий паренек испуганно посмотрел на распростертого полицейского, затем перевел взгляд на меня. Из ворот колледжа выезжала машина с охранниками. Она ехала гораздо медленнее, чем следовало бы. Как-никак прогремели десятки выстрелов. Быть может, охранники не могли принять решение, стоит ли им вмешиваться в то, что не относится напрямую к их обязанностям. Быть может, они просто перепугались до смерти. Сквозь лобовое стекло я разглядел их бледные лица. Машина свернула в нашу сторону. Поползла со скоростью миль пятнадцать в час прямо на меня. Я взглянул на золотой полицейский значок, сверкающий на асфальте, – за долгие годы металл был отполирован до блеска. Взглянул на свой фургон,

не двигаясь с места. Еще давным-давно я накрепко усвоил, что убить человека совсем не трудно. А вот вернуть к жизни абсолютно невозможно.

Машина с охранниками медленно катилась ко мне. Я слышал шелест покрышек по асфальту. Это был единственный звук, нарушавший полную тишину. Время возобновило свой ход, и мой внутренний голос закричал: «Давай, давай, давай!» Повинуясь ему, я вскочил в кабину своего фургона, бросил револьвер на среднее сиденье, завел двигатель и сделал такой крутой разворот, что машина поднялась на два колеса. Тощего паренька швырнуло в сторону. Выкрутив руль, я надавил на газ и понесся на юг. Вид в зеркало заднего обзора был ограниченным, и все же я разглядел, что охранники из колледжа зажгли мигалки и помчались следом. Мальчишка не проронил ни звука. Его рот был приоткрыт. Похоже, все его внимание было сосредоточено только на том, чтобы удержаться на сиденье. А все мое внимание было сосредоточено на том, чтобы ехать как можно быстрее. К счастью, шоссе было почти пустынным. В такой ранний час городок Новой Англии еще не проснулся. Разогнав фургон до семидесяти миль в час, я стиснул рулевое колесо с такой силой, что побелели костяшки пальцев, и уставился на дорогу перед собой, как будто не хотел видеть то, что происходит у меня за спиной.

– Насколько они отстали? – спросил я паренька.

Он молчал. Не пришедший в себя от шока мальчишка забился в угол, словно стараясь как можно больше отдалиться от меня. Уставившись в потолок, он вцепился правой рукой в дверь. Бледная кожа, длинные пальцы.

– Насколько они далеко? – повторил я.

Двигатель ревел на пределе.

– Вы убили полицейского, – наконец сказал мальчишка. – Ведь тот пожилой мужчина был полицейским, вы знаете?

– Знаю.

– Вы его убили.

– Случайно, – сказал я. – Насколько они отстали?

– Он показывал свой значок.

– Насколько они отстали?

Зашевелившись, паренек обернулся и отвел голову, чтобы заглянуть в крошечное зеркало заднего вида.

– Футов на сто, – сказал он. В его голосе прозвучал неприкрытый страх. – Они совсем близко. Один из них высунулся из окна с пистолетом.

Тотчас послышался отдаленный хлопок выстрела, перекрывший рев двигателя и визг покрышек. Я взял с соседнего сиденья кольт. И тут же отбросил его. Револьвер был разряжен. Я уже сделал шесть выстрелов. Один в радиатор, два в колеса, два в плохих парней. И один в полицейского.

– Бардачок, – приказал я.

– Вы должны остановиться, – сказал парнишка. – И все объяснить. Вы помогли мне. Произошла трагическая ошибка.

Он смотрел не на меня, а в заднее окно.

– Я убил фараона, – сказал я, пытаюсь говорить как можно спокойнее. – Это все, что им известно. Это все, что они хотят знать. Им наплевать, как и почему это случилось.

Мальчишка промолчал.

– Бардачок, – повторил я.

Он дрожащей рукой открыл ящичек. Там лежала еще одна «анаконда». Абсолютно такая же. Сверкающая нержавеющей сталь, полностью снаряженный барабан. Я взял револьвер у мальчишки. До конца опустил стекло в своей двери. В кабину ураганом ворвался холодный воздух, донесший звуки выстрелов позади, размеренных и частых.

– Проклятье, – выругался я.

Мальчишка молчал. Выстрелы продолжались, громкие и настойчивые. Как можно мазать с такого расстояния?

– Ложись на пол, – велел я мальчишке.

Сам я сдвинулся в сторону, упершись левым плечом в дверь, и вытянул правую руку так, чтобы высунуть новый револьвер в окно и направить его назад. Сделал один выстрел. В ужасе посмотрев на меня, мальчишка сполз на пол между сиденьем и приборной панелью и обхватил голову руками. Через мгновение в десяти футах за ним взорвалось заднее стекло.

– Проклятье, – снова выругался я.

Свернул ближе к обочине, чтобы изменить угол обстрела. Выстрелил еще раз.

– Мне нужно, чтобы ты следил за ними, – сказал я. – Держись как можно ниже.

Мальчишка не двинулся с места.

– Поднимайся! – рявкнул я. – Живо! Мне нужно, чтобы ты следил за ними.

Чуть приподнявшись, мальчишка обернулся назад. Его взгляд задержался на разбитом заднем стекле. Он понял, что его голова находилась как раз напротив того места, куда попала пуля.

– Сейчас я чуть сбавлю скорость, – сказал я. – Прижмусь к обочине, чтобы они меня обогнали.

– Не надо, – взмолился паренек. – У вас еще есть надежда все объяснить.

Я пропустил его слова мимо ушей. Сбросил скорость где-то до пятидесяти и вильнул вправо, и машина с охранниками, непроизвольно дернувшись влево, поравнялась с нами. Я выпустил в нее три оставшиеся пули. Лобовое стекло разлетелось вдребезги. Машину занесло и развернуло поперек дороги – я попал или в водителя, или в колесо. Пробив капотом полоску кустов, она скатилась с обочины и скрылась из виду. Бросив разряженный револьвер на сиденье рядом с собой, я поднял стекло и снова нажал на газ. Паренек молчал, уставившись назад. В разбитое стекло с жутким воем засасывало воздух.

– Вот и отлично, – сказал я, пытаюсь отдышаться. – Теперь можем ехать спокойно.

Мальчишка повернулся ко мне лицом.

– Вы сошли с ума?

– Ты знаешь, что бывает с теми, кто убивает полицейских? – ответил я вопросом на вопрос.

На это у него не было ответа. Мы ехали молча где-то секунд тридцать, больше полумили, усиленно моргая, тяжело дыша, уставившись прямо перед собой словно зачарованные. В салоне воняло пороховой гарью.

– Произошел несчастный случай, – снова заговорил я. – Беднягу уже не вернешь. Надо свыкнуться с этим.

– Кто вы такой? – спросил мальчишка.

– Нет, это ты кто такой? – спросил я.

Он умолк, учащенно дыша. Я взглянул в зеркало. Дорога за нами была совершенно пустынной. И впереди тоже. Ни одного населенного пункта поблизости. Минут десять до развилки с автострадой.

– Я объект для насильственного задержания.

Было очень странно слышать эту официальную фразу из его уст.

– Меня пытались похитить, – продолжал мальчишка.

– Ты думаешь?

Он кивнул.

– Такое уже случалось.

– Почему?

– Из-за денег, – усмехнулся он. – Разве могут быть другие причины?

- Ты богат?
- Мой отец богат.
- Кто он?
- Так, человек.
- Богатый человек, – уточнил я.
- Он импортирует ковры.
- Ковры? – переспросил я. – Обычные ковры?
- Восточные ковры.
- А что, можно разбогатеть, импортируя восточные ковры?
- И еще как, – подтвердил мальчишка.
- А имя у тебя есть?
- Ричард. Ричард Бек.

Я снова взглянул в зеркало заднего вида. Дорога за нами по-прежнему оставалась пустынной. И впереди тоже никого. Чуть сбросив скорость, я выехал на середину полосы, стараясь вести машину как нормальный человек.

- А что это были за типы? – спросил я.

Ричард Бек покачал головой.

- Понятия не имею.

- Они знали, где тебя ждать. И когда.

– Я должен был ехать домой на празднование дня рождения матери. Оно состоится завтра.

- Кто мог об этом знать?

– Не знаю. Все, кто знаком с моей семьей. Наверное, все, кто торгует коврами. У нас тесный круг.

- Вы все знакомы друг с другом? Торговцы коврами?

– Мы конкуренты. Одни источники, один рынок. Разумеется, мы знакомы друг с другом.

Я молчал. Ехал вперед, шестьдесят миль в час.

- А у вас имя есть? – наконец спросил мальчишка.

- Нет, – ответил я.

Он кивнул. Умный парнишка.

- Что вы собираетесь делать дальше? – спросил Ричард Бек.

– Высажу тебя неподалеку от автострады. Попросишь кого-нибудь подбросить или вызовешь такси и побыстрее забудешь обо мне.

Мальчишка молчал.

– Полиции я тебя передать не могу, – продолжал я. – Об этом не может быть и речи. Ты ведь все понимаешь, так? Я убил одного из них. Возможно, троих. У тебя на глазах.

Мальчишка молчал. *Время принятия решения.* До автострады осталось шесть минут.

– Они не станут долго размышлять, – снова заговорил я. – Я напортачил, и, хотя это был несчастный случай, меня никто и слушать не будет. Полиция в таких случаях никого не слушает. Так что не проси подвезти тебя к полицейскому участку. Я не свидетель, я никто. Меня здесь нет и никогда не было. Тут все ясно?

Он по-прежнему молчал.

– И не описывай мою внешность, – продолжал я. – Скажешь, что совсем меня не запомнил. Скажешь, что был в шоке. В противном случае я тебя из-под земли достану.

Он молчал.

– Я тебя где-нибудь высажу, – сказал я. – И мы сделаем вид, что никогда друг друга не видели.

Наконец он зашевелился. Развернулся и посмотрел мне в лицо.

– Отвезите меня домой. До самого дома. Мы вам заплатим. Поможем выкрутиться. Если хотите, спрячем вас. Мои родные будут вам признательны. Я вам очень благодарен. Поверьте. Вы меня спасли. А тот полицейский – это ведь был несчастный случай, так? Просто несчастный случай. Вам не повезло. Вы действовали в чрезвычайных обстоятельствах. Я все понимаю. Мы будем молчать.

– Мне не нужна ваша помощь, – сказал я. – Я хочу лишь поскорее отделаться от тебя.

– Но я должен попасть домой, – настаивал парень. – Так мы поможем друг другу.

До автострады оставалось четыре минуты.

– Где ты живешь? – спросил я.

– В Эбботе.

– Эббот – это где?

– Эббот, штат Мэн, – пояснил он. – На побережье. Между Кеннебанком и Портлендом.

– Мы едем в противоположном направлении.

– Можно будет повернуть на север на автостраде.

– До твоего дома минимум двести миль.

– Мы вам заплатим. Вы не пожалеете.

– Я могу высадить тебя где-нибудь рядом с Бостоном, – сказал я. – Оттуда до Портленда ходят автобусы.

Парень лихорадочно затряс головой, словно с ним случился приступ.

– Об этом не может быть и речи. Я не могу ехать на автобусе. Я не могу оставаться один. Только не сейчас. Возможно, за мной все еще следят.

– Только не те двое. Они мертвы, – заметил я. – Как и полицейский.

– У них могли быть соратники.

Еще одно странное слово. Парень казался каким-то маленьким, худым и перепуганным до смерти. На шее у него пульсировала жилка. Обеими руками убрав назад волосы, он повернулся ко мне, показывая свое левое ухо. Уха не было. Лишь рубец, похожий на комок сырого теста.

– Его отрезали и отправили по почте, – объяснил парень. – Это было в первый раз.

– Когда?

– Мне тогда было пятнадцать.

– Твой отец не заплатил?

– Заплатил, но недостаточно быстро.

Я промолчал. Ричард Бек сидел неподвижно, показывая мне свой шрам, потрясенный и испуганный, дыша словно паровая машина.

– С тобой все в порядке? – спросил я.

– Отвезите меня домой, – сказал он чуть ли не с мольбой в голосе. – Я больше не могу оставаться один.

До автострады осталось две минуты.

– Пожалуйста, – не унимался паренек. – Помогите мне.

– Проклятье, – в третий раз выругался я.

– Пожалуйста! Мы сможем помочь друг другу. Вам необходимо спрятаться.

– Нам нельзя оставаться в этом фургоне, – сказал я. – Будем исходить из того, что его описание передано по всему штату.

Мальчишка с надеждой посмотрел на меня. До автострады осталась одна минута.

– Нам нужно найти машину, – продолжал я.

– Где?

– Где угодно. Здесь повсюду полно машин.

К югу и западу от развилки раскинулся гигантский торговый центр. Огромные буро-желтые здания без окон с яркими неоновыми вывесками. Огромные автостоянки, наполо-

вину заполненные машинами. Свернув с шоссе, я объехал весь торговый центр. Он был размером с небольшой городок. Повсюду суетились люди. От их вида мне стало не по себе. Развернувшись, я проехал мимо ряда мусорных контейнеров к заднему входу большого магазина.

– Куда мы направляемся? – спросил Ричард.

– На стоянку для сотрудников, – объяснил я. – Покупатели приезжают и уезжают, когда им вздумается. Непредсказуемо. Но сотрудники останутся здесь до конца рабочего дня. Так безопаснее.

Он непонимающе взглянул на меня. Я свернул к ряду из восьми машин, выстроившихся вдоль глухой стены. Заметил свободное место рядом с трехлетним «ниссаном максимум» неприметного цвета. Сойдет. Машина, не привлекающая к себе внимание. На стоянке царили тишина и спокойствие. Подъехав к свободному месту, я сдал задом. Подогнал фургон задней дверью вплотную к стене.

– Надо спрятать разбитое стекло, – объяснил я.

Мальчишка молчал. Сунув оба разряженных кольта в карманы плаща, я вылез из кабины. Подергал двери «максимы».

– Найди мне проволоку, – сказал я. – Что-нибудь вроде электрического шнура или плечиков.

– Вы собираетесь угнать эту машину?

Я молча кивнул.

– А это разумно?

– Разумно для человека, который только что случайно убил полицейского.

Паренек какое-то время недоуменно таращился на меня, затем прошел по стоянке, смотря по сторонам. Вытащив из револьверов двенадцать стреляных гильз, я бросил их в мусорный контейнер. Вернулся Ричард с трехфутовым отрезком электрического шнура, найденного среди мусора. Стащив зубами изоляцию, я сделал на конце маленький крючок и просунул проволоку под резиновый уплотнитель на двери «максимы».

– Ты стоишь на стреме, – сказал я.

Мальчишка отошел в сторону, испуганно озираясь вокруг. Я пропихнул проволоку в дверь, поводитил ею из стороны в сторону и наконец зацепил за защелку. Дверь открылась. Выбросив проволоку в контейнер, я нагнулся к рулевой колонке и снял пластмассовый кожух. Перебрал провода и, найдя два нужных, соединил их. Взвыл стартер, двигатель сразу же схватился и заработал ровно. Похоже, мои действия произвели на мальчишку впечатление.

– Загубленное детство, – сказал я.

– А это разумно? – повторил он.

Я кивнул.

– Ничего более разумного я придумать не могу. Машины не хватятся часов до шести вечера, а то и до восьми. До тех пор, пока будет работать магазин. К этому времени ты уже давно будешь дома.

Мальчишка постоял, положив руку на дверную ручку, затем, тряхнув головой, нырнул в машину. Отодвинув водительское сиденье назад, я подогнал под себя зеркало заднего вида и выехал со стоянки. Не спеша поехал через торговый центр. Впереди ярдах в ста медленно тащилась полицейская машина. Свернув на первое же свободное место, я постоял, не глуша двигатель, дожидаясь, когда полицейские уедут. Затем поспешно проскочил к выезду, покрутился на развязке, и две минуты спустя мы уже ехали на север по широкой гладкой автостраде, держа почтительные шестьдесят миль в час. В салоне «ниссана» сильно пахло духами, а в бардачке лежали два пакета с какими-то тряпками. На заднем стекле болтался

лохматый медвежонок с прозрачными присосками вместо лап. На заднем сиденье лежала бейсбольная перчатка, а из багажника доносился стук алюминиевой биты.

– На этой машине разъезжает почтенная мать семейства, – заметил я.

Мальчишка промолчал.

– Не беспокойся, – продолжал я. – Машина наверняка застрахована.

– Вы нисколько не переживаете? – спросил он. – Насчет полицейского?

Я мельком взглянул на него. Тощий, бледный, он отодвинулся как можно дальше от меня, вцепившись одной рукой в дверь. Длинные пальцы напоминали пальцы музыканта. Похоже, паренек пытался заставить себя проникнуться ко мне симпатией, но мне это было не нужно.

– Всякое бывает, – заметил я. – Сейчас уже поздно рвать на себе волосы.

– Что это за ответ, черт побери?

– Другого у меня нет. Произошла неприятная случайность. Переживать бесполезно.

Итог: раз мы ничего не можем с этим поделать, надо двигаться дальше.

Ричард снова промолчал.

– Так или иначе в случившемся виноват твой папаша, – добавил я.

– Чем? Тем, что он богат и у него есть сын?

– Тем, что нанял дерьмовых телохранителей.

Мальчишка отвернулся. Ничего не сказал.

– Значит, это действительно были телохранители?

Он кивнул. Молча.

– Разве ты не переживаешь из-за них? – сказал я.

– Немного. Впрочем, я их почти не знал.

– От них не было никакого толку.

– Все произошло так быстро.

– Плохие ребята ждали у самых ворот, – возразил я. – Старый, помятый пикап стоит перед таким навороченным колледжем? Каким же надо быть телохранителем, чтобы не обратить на него внимание? Они никогда не слышали об угрозах?

– А вы, значит, обратили?

Я кивнул.

– Обратил.

– Неплохо для водителя фургона.

– Я служил в армии. В военной полиции. Я знаю толк в охране.

Мальчишка неуверенно кивнул.

– А имя у вас до сих пор не появилось? – помолчав, спросил он.

– Это кое от чего зависит, – сказал я. – Я должен понять твою точку зрения. Меня могут ждать очень большие неприятности. По крайней мере один полицейский мертв, а теперь я еще и угнал машину.

Он молчал. Я незаметно следил за ним, давая ему время подумать.

Мы уже почти выехали из Массачусетса.

– Мои родители высоко ценят преданность, – наконец сказал Ричард. – Вы оказали их сыну услугу. Тем самым оказали услугу им самим. Не сомневаюсь, они даже не подумают вас выдать.

– Тебе нужно будет с ними связаться?

Он покачал головой.

– Они меня ждут. Раз я приеду домой сам, звонить им не обязательно.

– С ними свяжется полиция. Она считает, ты попал в беду.

– У нее нет номера нашего телефона. Его ни у кого нет.

– В колледже должен быть твой домашний адрес. По нему установят номер телефона.

Мальчишка снова покачал головой.

– Адреса в колледже нет. Его ни у кого нет. Мы очень тщательно следим за такими вещами.

Пожав плечами, я молча проехал еще милю.

– Ну а ты сам? – спросил я. – Ты меня не выдашь?

Он потрогал правое ухо. То, которое еще было на месте.

Несомненно, это был чисто подсознательный жест.

– Ты спас мою задницу, – наконец сказал Ричард Бек. – Нет, я тебя не выдам.

– Отлично, – сказал я. – Моя фамилия Ричер.

Мы потратили несколько минут на то, чтобы срезать крохотный уголок штата Вермонт, а затем понеслись на северо-восток через Нью-Гемпшир. Дорога нас ждала дальняя. У меня иссяк адреналин, мальчишка преодолел последствия шока, и в конце концов нас обоих начало клонить в сон. Я приоткрыл окно, впуская свежий воздух и выпуская запах духов. В салоне стало шумно, но зато так было легче бороться с дремотой. Мы немного поговорили. Ричард Бек сказал, что ему двадцать лет. Он учится на первом курсе. Специализируется на какой-то разновидности современного искусства, в чем я совершенно не разбираюсь. С людьми сближается плохо. В семье он единственный ребенок. К родителям у него отношение двойственное. Похоже, семья представляет собой тесный клан. Какая-то частица Ричарда хочет освободиться от докучливой опеки, а другая, наоборот, стремится остаться в семье. Предыдущее похищение оставило глубокую психологическую травму. У меня мелькнула мысль, ограничилось ли дело тем, что ему отрезали ухо. Возможно, ему пришлось пережить нечто худшее.

Я рассказал мальчишке про армию. Описывая свои навыки телохранителя, я здорово загнул. Мне хотелось, чтобы он хотя бы на время почувствовал, что находится в надежных руках. Я ехал быстро и уверенно. Бензобак «максимы» был полон под завязку. Заправляться нам было не нужно. От предложения перекусить Ричард отказался. Я остановился один раз, чтобы сбегать в туалет. Двигателя не глушил, чтобы снова не возиться с проводами. Вернувшись, застал мальчишку в том же положении, в каком оставил. Выехав на автостраду, мы проехали Конкорд и, покинув Нью-Гемпшир, оказались в Мэне. Время шло. По мере того как мы приближались к Портленду, Ричард становился все более спокойным. И все более подавленным. Опять двойственность.

Миль за двадцать до Портленда мальчишка вдруг засуетился, оглянулся, тщательно проверяя, не едет ли кто за нами, и объяснил мне, где сворачивать. Мы повернули на узкую дорогу, ведущую строго на восток к Атлантическому океану. Дорога нырнула под автострадой I-95, а затем миль пятнадцать шла по гранитному мысу к морю. Наверное, летом здешние места выглядят потрясающе. Но пока что тут было холодно и пустынно. Чахлые деревья, истерзанные солеными ветрами, и обнаженные каменные россыпи, откуда ветер и штормовые волны согнали всю почву. Дорога извивалась и петляла, словно пытаясь забраться на восток, насколько только можно. Наконец впереди показался океан. Серый как сталь. Слева и справа от нас остались бухточки. Я успел разглядеть узкие полоски песчаных пляжей. Затем дорога повернула налево, потом тотчас же направо и взобралась на мысок, имеющий форму ладони. «Ладонь» быстро сужалась, превращаясь в одинокий «палец», выступающий в море. Этот каменистый мысок шириной ярдов в сто простирался где-то на полмили. На машину обрушились порывы ветра. Въехав на мысок, я увидел впереди цепочку чахлых, скрюченных вечнозеленых деревьев, которые пытались скрыть высокую гранитную стену, но не имели для этого достаточного роста и густоты. Стена была высотой футов восемь. Сверху ее венчали большие кольца колючей проволоки. Через равные промежутки на ней стояли прожектора. Стена пересекала поперек весь стоярдовый «палец». Она уходила обо-

ими концами в море, где ее массивный фундамент покоился на огромных каменных блоках. Блоки зеленели налетом водорослей. В стене имелись чугунные ворота, прямо посередине. Они были заперты.

– Вот мы и приехали, – сказал Ричард Бек. – Здесь я живу.

Дорога вела прямо к воротам. За ними она переходила в длинную прямую дорожку, заканчивающуюся у особняка из серого камня. Он стоял на самом конце «пальца», прямо на берегу океана. Рядом с воротами был одноэтажный домик. Построенный в том же стиле и из того же камня, что и особняк, но только гораздо меньше и ниже. Домик стоял на том же фундаменте, что и стена. Заранее сбросив скорость, я плавно остановился перед воротами.

– Посигналь, – сказал Ричард Бек.

Я ткнул пальцем в большую подушку в центре руля, и раздался вежливый гудок. Видеочамера наблюдения, установленная на стойке ворот, повернулась и наклонилась. Кажется, на нас уставился стеклянный глаз. После долгой паузы отворилась дверь домика. Появился тип в темном костюме. Несомненно, костюм был из магазина для высоких и широкоплечих, наверное, самого большого из имевшихся размеров, и тем не менее своему владельцу он был узок в плечах и короток в рукавах. Охранник был гораздо крупнее меня, что ставило его в категорию людей необычных. Он был просто великан. Подойдя к воротам, охранник уставился на машину. Он очень долго разглядывал меня и почти не взглянул на мальчишку. Затем отпер ворота и распахнул створки.

– Езжай прямо к дому, – сказал Ричард. – Не останавливайся здесь. Я этого типа терпеть не могу.

Я въехал в ворота. Не останавливаясь. Но я ехал медленно, оглядываясь по сторонам. Попадая в такое место, первым делом надо искать пути отхода. Стена обоими краями уходила в беспокойное море. Она была слишком высока, чтобы через нее перепрыгнуть, а колючая проволока наверху не позволяла через нее перелезть. За стеной была расчищенная полоса шириной ярдов тридцать. Ничейная земля. Или минное поле. Проектора были расставлены так, чтобы заливать ее светом. Другого пути, кроме как через ворота, не было. Великан как раз запирали их у нас за спиной. Я видел его в зеркало.

Дорожка до особняка была довольно длинной. С трех сторон океан. От самого строения веяло стариной. Возможно, жилище какого-то капитана, поселившегося здесь еще в те времена, когда убийством китов можно было заработать приличное состояние. Особняк был весь из камня, с затейливыми архитектурными деталями. Весь северный фасад был покрыт серым лишайником. На остальных стенах кое-где были зеленые пятна. Здание имело три этажа. И не меньше дюжины печных труб. Крыша была сложной формы. Повсюду были фронтоны с короткими сточными желобами и десятками толстых железных труб для отвода дождевой воды. Дорожка закончилась просторным кругом. Развернувшись в нем против часовой стрелки, я остановился прямо перед крыльцом. Дверь открылась, и появился другой тип в темном костюме. Этот был одного телосложения со мной, то есть значительно меньше охранника у ворот. Но мне он понравился ничуть не больше первого. У него были пустые глаза и каменное лицо. Охранник открыл правую дверь «максимы» так, словно знал, кто сидит в машине, – впрочем, скорее всего, так оно и было, потому что его наверняка предупредил тип у ворот.

– Пожалуйста, подожди здесь, – попросил меня Ричард.

Выскользнув из машины, он скрылся в полумраке дома, а охранник в костюме закрыл дубовую дверь и остался стоять перед ней. Он не смотрел на меня, но я чувствовал, что нахожусь где-то в периферийной зоне его зрения. Разорвав соединенные провода зажигания, я заглушил двигатель и стал ждать.

Ждать пришлось довольно долго, минут сорок. После того как двигатель перестал работать, в салоне быстро стало прохладно. Свежий ветер с моря гулял вокруг особняка. Я

смотрел прямо перед собой. Машина была развернута передом в сторону северо-запада, и воздух был прозрачно-чистым. Вдалеке слева изгибалась береговая линия. Милях в двадцати в небо поднималось бледно-бурое пятно. Вероятно, загрязненная атмосфера над Портлендом. Сам город прятался за мыском.

Наконец дубовая дверь снова открылась, охранник ловко отскочил в сторону, и на крыльцо вышла женщина. Это была мать Ричарда Бека. Тут не могло быть никаких сомнений. Абсолютно никаких сомнений. То же шуплое телосложение, то же бледное лицо. Те же длинные пальцы. На ней были джинсы и теплый рыбацкий свитер. Волосы растрепаны ветром. Ей было лет пятьдесят. Она выглядела усталой и взволнованной. Женщина остановилась футах в шести от машины, словно давая понять, что по правилам приличия мне следует выйти из машины ей навстречу. Поэтому я открыл дверь и шагнул на дорожку. От долгой неподвижности мое тело затекло. Я сделал шаг вперед, и женщина протянула мне руку. Я пожал ее. Холодная как лед рука состояла из одних костей и сухожилий.

– Мой сын рассказал мне о случившемся, – сказала женщина. В ее тихом голосе звучал налет хрипотцы, как будто она была заядлой курильщицей или недавно ей пришлось много плакать. – Не могу выразить вам, насколько я признательна за вашу помощь.

– С ним все в порядке? – спросил я.

Женщина нахмурилась, будто не знала, что ответить.

– Он прилег.

Я кивнул. Выпустил ее руку. Рука безвольно упала вниз. Последовала неуютная пауза.

– Я Элизабет Бек, – представилась женщина.

– Джек Ричер, – сказал я.

– Мой сын рассказал о ваших неприятностях, – продолжала она.

Милое нейтральное слово. Я промолчал.

– Муж вернется домой вечером, – сказала Элизабет Бек. – Он придумает, как нам быть.

Я кивнул. Снова последовала пауза. Я ждал.

– Не хотите ли пройти в дом? – наконец предложила женщина.

Развернувшись, она вошла в холл. Я последовал за ней. Когда я проходил в дверь, пискнул звуковой сигнал. Оглянувшись, я увидел металлодетектор, встроенный в дверную коробку.

– Вы не возражаете? – спросила Элизабет Бек.

Виновато разведя руками, она повернулась к отвратительному верзиле в костюме. Тот шагнул вперед, готовый обыскать меня.

– Два револьвера, – сказал я. – Разряженных. В карманах плаща.

Верзила вытащил оружие ловким умелым жестом, говорившим о том, что ему частенько приходится обыскивать здесь гостей. Положив револьверы на столик, он присел на корточки и прошелся руками по моим ногам, затем выпрямился и ощупал мои руки, талию, грудь, спину. Он делал все очень тщательно и не слишком вежливо.

– Извините, – сказала Элизабет Бек.

Тип в костюме отступил назад, и снова воцарилось неловкое молчание.

– Вам ничего не нужно? – спросила Элизабет Бек.

Я мог бы долго перечислять ей то, что было мне нужно.

Но я лишь покачал головой.

– Если честно, я устал, – сказал я. – День выдался длинный. Я был бы не прочь вздремнуть.

Элизабет Бек улыбнулась, как будто она была очень довольна, как будто присутствие в доме личного убийцы повышало ее социальный статус.

– Ну конечно, – сказала она. – Дьюк проводит вас в вашу комнату.

Она еще на мгновение задержала на мне взгляд. Сквозь бледность и усталость проступала красота. Правильные черты лица, гладкая кожа. Тридцать лет назад Элизабет Бек, наверное, приходилось отгонять ухажеров палкой. Развернувшись, она скрылась в глубинах особняка. Я повернулся к типу в костюме. Судя по всему, это и был Дьюк.

– Когда я получу револьверы назад? – спросил я.

Верзила ничего не ответил. Просто кивнул в сторону лестницы и последовал за мной. Указал на следующую лестницу, и мы поднялись на третий этаж. Верзила подвел меня к двери и толкнул ее. Шагнув вперед, я очутился в квадратной комнате, обшитой дубовыми досками. Повсюду старинная массивная мебель. Кровать, шкаф, стол, кресло. На полу восточный ковер. На вид тонкий и вытертый. Быть может, на самом деле старинная вещица, не имеющая цены. Протиснувшись мимо меня, Дьюк прошел через комнату и показал мне, где находятся удобства. Он вел себя словно портье в гостинице. Снова протиснувшись мимо меня, Дьюк направился к двери.

– Ужин в восемь, – сказал он.

И больше ничего.

Выйдя в коридор, Дьюк закрыл за собой дверь. Щелчка замка я не услышал, но, дернув за ручку, я обнаружил, что дверь заперта снаружи. Внутри замочной скважины не было. Подойдя к окну, я взглянул на открывающийся вид.

Комната находилась в задней части особняка, и я увидел лишь океан. Я смотрел строго на восток, и от меня до самой Европы не было ничего, кроме воды. Я перевел взгляд вниз. В пятидесяти футах подо мной вокруг острых скал пенились волны. Начинался прилив.

Вернувшись к двери, я приложил к ней ухо и прислушался. Никаких звуков. Я исследовал потолок, карнизы и мебель, очень тщательно, дюйм за дюймом. Ничего. Никаких камер наблюдения. На микрофоны мне было наплевать. Я не собирался шуметь. Сев на кровать, я снял правый ботинок. Перевернул его и ногтями вытащил из каблука шпильку. Повернул резиновый каблук, словно маленькую дверцу, и встряхнул ботинок. На кровать вывалился маленький прямоугольник из черной пластмассы, подпрыгнув один раз. Это было устройство беспроводной электронной почты. Ничего премудрого. Обыкновенный товар, который можно купить в любом радиомагазине. Однако это устройство было перепрограммировано так, чтобы отправлять сообщения только на один адрес. Оно было размером с большой пейджер. На нем имелась клавиатура с крошечными кнопками. Включив питание, я набрал короткое сообщение и нажал клавишу «Отправить».

Сообщение гласило: «Я в игре».

Глава 02

Если честно, к этому времени я был в игре уже целых одиннадцать дней, с того сырого субботнего вечера в Бостоне, когда у меня на глазах покойник прошел по тротуару и сел в машину. Это не был обман зрения. Я не обознался. Это был не двойник, не брат-близнец и не кузен. Это был человек, умерший десять лет назад. В этом не было никаких сомнений. Он постарел на соответствующее количество лет, и на нем были шрамы от ран, ставших причиной его смерти.

Я не спеша шел по Хантингтон-авеню; мне предстояло пройти еще с милю до бара, о котором я был наслышан. Было уже поздно. Симфонический зал как раз выпускал своих посетителей. Я был слишком упрям, чтобы перейти на противоположную сторону улицы и не толкаться в толпе. Я просто упорно пробирался вперед. Это были хорошо одетые, хорошо пахнущие люди, в основном пожилые. Вдоль тротуара в два ряда стояли дорогие машины и такси. Бесшумно работали двигатели, отрывисто шевелились щетки стеклоочистителей. Из служебной двери слева от меня вышел мужчина. Он был в толстом кашемировом пальто и перчатках, шею прикрывал шарф. Головного убора не было. Мужчине было лет пятьдесят. Мы с ним едва не столкнулись. Я остановился. Он тоже остановился. Посмотрел на меня в упор. Произошла одна из тех уличных встреч, когда оба постояли в нерешительности, тронулись дальше и снова остановились. Сначала мне показалось, мужчина меня не узнал. Затем у него по лицу промелькнула тень. Ничего определенного. Я отступил в сторону, мужчина прошел мимо меня и сел на заднее сиденье черного «кадиллака девиль», ждавшего у тротуара. Я остался стоять на месте, наблюдая, как лимузин вливается в транспортный поток. Шины громко прошелестели по мокрому асфальту.

Я запомнил номерной знак. Никакой паники не было. Я не задавал вопросы. Я был готов поверить своим глазам. История десяти прошедших лет перевернулась с ног на голову за одну секунду. Этот человек был жив. Следовательно, у меня возникли огромные проблемы.

Это был день номер один. Я начисто забыл о баре. Вернувшись напрямиком в гостиницу, я начал звонить по полузабытым номерам телефонов, оставшимся в памяти с тех дней, когда я служил в военной полиции. Мне был нужен человек, которого я знал и которому доверял, но к этому времени я уже был не у дел больше шести лет. Субботний вечер перешел в ночь, так что шансы были не в мою пользу. В конце концов я добрался до человека, заявившего, что он слышал обо мне, – что, возможно, сказалось на том, чем все это закончилось, а может быть, и нет. Это был уоррент-офицер по фамилии Пауэлл.

– Мне нужно, чтобы вы установили по номеру машины ее владельца, – сказал я. – Чисто дружеское одолжение.

Пауэлл знал, кто я такой, поэтому он не стал уверять меня, что ничем не может мне помочь. Я сообщил ему подробности. Сказал, что, на мой взгляд, эта машина практически наверняка зарегистрирована на частное лицо, а не принадлежит агентству проката. Записав номер, Пауэлл пообещал перезвонить на следующее утро, то есть это уже должен был стать день номер два.

Он мне не перезвонил. Вместо этого он меня продал. Полагаю, при данных обстоятельствах на его месте так поступил бы каждый. День номер два был воскресеньем, и я встал рано. Попросив принести завтрак в номер, я сидел и ждал звонка. Вместо этого раздался стук в дверь. В десять утра. Прижавшись к глазку, я увидел мужчину и женщину, стоявших рядом, чтобы их было хорошо видно в пластмассовую линзу. Темные костюмы. Без плащей.

Мужчина держал в руке чемоданчик. Оба показали мне свои удостоверения, наклонив их так, чтобы на них падал свет.

– Федеральные агенты, – произнес мужчина достаточно громко, чтобы я расслышал его через дверь.

В подобной ситуации бессмысленно притворяться, что тебя нет дома. Мне самому достаточно часто приходилось бывать в роли этих ребят в коридоре. Один из них остается перед дверью, а второй идет к дежурному администратору за служебным ключом. Поэтому я отпер дверь и отступил в сторону, пропуская агентов в номер.

Сначала они вели себя настороженно, но быстро успокоились, увидев, что я без оружия и не похож на маньяка. Протянув мне свои удостоверения, они вежливо засуетились, давая мне возможность разобраться в том, что было написано на этих документах. Верхняя надпись гласила: «Министерство юстиции Соединенных Штатов». Нижняя уточняла: «Отдел по борьбе с наркотиками». Посреди красовались всевозможные подписи, печати и водяные знаки. Фотографии и отпечатанные фамилии. Мужчину звали Стивен Элиот, с одним «л», как у поэта-классика. «Апрель – коварный месяц самый...» Это уж точно. Фотография полностью соответствовала оригиналу. Стивену Элиоту на вид было от тридцати до сорока; плотного телосложения, смуглый и лысоватый, он обладал улыбкой, которая выглядела дружелюбной на снимке и была еще лучше в жизни. Женщина значилась как Сьюзен Даффи. Сьюзен Даффи была чуть моложе Элиота. И чуть выше. Бледная, стройная и очень привлекательная, она успела сменить прическу с тех пор, как сфотографировалась на удостоверение.

– Валяйте, – предложил я. – Обыскивайте номер. Мне уже давно нечего прятать от таких, как вы, ребята.

Я вернул агентам удостоверения, и те убрали их во внутренние карманы, позаботившись о том, чтобы при этом распахнуть полы пиджаков и показать оружие. Оно покоилось в аккуратных кобурах под мышками. Я узнал ребристую рукоятку «Глока-17» у Элиота. У Даффи был «Глок-19», та же самая вещица, только чуть поменьше, уютно вжавшаяся ей в правую грудь. Должно быть, Даффи была левшой.

– Мы не собираемся обыскивать номер, – сказала она.

– Мы пришли поговорить о номерных знаках, – пояснил Элиот.

– У меня нет машины, – сказал я.

Мы все еще стояли маленьким правильным треугольником у двери. Элиот держал в руке чемоданчик. Я попытался определить, кто из них старший. Наверное, ни тот ни другой. Наверное, у них одинаковое звание. И довольно высокое. Они были хорошо одеты, но казались уставшими. Возможно, работали всю ночь, а потом летели откуда-то на самолете. Возможно, из Вашингтона.

– Быть может, нам лучше сесть? – предложила Даффи.

– Конечно, – согласился я.

Однако в дешевом гостиничном номере сделать это было непросто. Стул был всего один. Он был задвинут под небольшой письменный стол с маленьким телевизором, втиснутый между стеной и шкафом. Вытащив стул, Даффи развернула его лицом к кровати. Я уселся на кровать рядом с подушкой. Элиот примостился в ногах, положив чемоданчик на покрывало. У него на лице по-прежнему сияла дружелюбная улыбка, и я не мог обнаружить в ней ни тени фальши. Даффи выглядела замечательно, сидя на стуле. Стул имел для нее как раз нужную высоту. На ней была короткая юбка и темные колготки, более светлые на коленях, где нейлон натянулся.

– Вы Ричер? – спросил Элиот.

Я оторвал взгляд от ног Даффи и кивнул, решив, что это им все равно уже известно.

– Этот номер зарегистрирован на некоего Колхауна, – сказал Элиот. – Оплачен наличными, всего на одну ночь.

– Привычка, – сказал я.

– Вы уезжаете сегодня?

– Я провожу под одной крышей только одну ночь.

– Кто такой Колхаун?

– Вице-президент в администрации Джона Куинси Адамса, – объяснил я. – Я посчитал, он как раз то, что подходит для этого места. Всех президентов я уже перебрал давным-давно. Теперь настал черед вице-президентов. Колхаун был человек необычный. Он ушел в отставку, чтобы выставить свою кандидатуру в Сенат.

– И его избрали?

– Понятия не имею.

– Зачем вымышленная фамилия?

– Привычка, – повторил я.

Сьюзен Даффи смотрела на меня не отрываясь. Но не так, как если бы я был придурком, а так, словно я чем-то ее заинтересовал. Возможно, она пришла к выводу, что это очень полезный метод ведения допросов. В прошлом, когда я сам вел допросы, я делал то же самое. Девяносто процентов умения задавать вопросы состоит в том, чтобы слушать ответы.

– Мы говорили с военным полицейским по фамилии Пауэлл, – наконец сказала Даффи. – Вы попросили его проследить один номерной знак.

У нее был негромкий теплый голос, чуть с хрипотцой. Я промолчал.

– В компьютере на этот номер стоит защита, – продолжала Даффи. – Как только Пауэлл сделал запрос, нам сразу же стало об этом известно. Мы связались с ним, и он объяснил, чем вызван его интерес. Пауэлл сказал, что за его интересом стоите вы.

– Надеюсь, он сделал это неохотно, – вставил я.

Она улыбнулась.

– Он опомнился достаточно быстро и дал нам ложный номер вашего телефона. Так что можете не беспокоиться по поводу солдатской дружбы.

– Но в конце концов он назвал правильный номер.

– Мы ему пригрозили, – объяснила Даффи.

– Значит, военная полиция сильно изменилась с тех пор, как я из нее ушел, – констатировал я.

– Для нас это очень важно, – сказал Элиот. – И Пауэлл это понял.

– Так что теперь и вы для нас очень важны, – добавила Даффи.

Я отвел взгляд. Мне столько раз приходилось бывать в переделках, что страшно было об этом вспоминать, и все же при звуках ее голоса, произнесшего эти слова, у меня по коже мурашки пробежали. Я начинал приходить к выводу, что старшая из них двоих она. И она чертовски хорошо владеет искусством допроса.

– Человек с улицы звонит насчет номерного знака, – сказал Элиот. – С чего бы? Возможно, он столкнулся с машиной, на которой висел этот знак. А та скрылась с места аварии. Но разве этим занимается не полиция? К тому же вы сами только что признались, что у вас нет машины.

– Так что, возможно, вы увидели *кого-то* в этой машине, – сказала Даффи.

Она не стала договаривать до конца, но все было ясно и без этого.

Если человек в машине мой друг, значит, я, вероятно, ее враг. Если же человек в машине мой враг, она готова стать моим другом.

– Ребята, вы завтракали? – спросил я.

– Да, – ответила Даффи.

– И я тоже, – сказал я.

– Знаем, – подтвердила она. – Завтрак в номер, оладьи с яйцом. И большой кофейник с черным кофе. Заказ был сделан в семь сорок пять и доставлен в семь пятьдесят четыре. Вы расплатились наличными и дали коридорному на чай три доллара.

– Завтрак мне понравился?

– Вы его съели.

Щелкнув замками на чемоданчике, Элиот поднял крышку. Достал стопку бумаги, пере-тянутую резинкой. Бумага была новой, но буквы расплывались. Ксерокопии факсов, воз-можно выполненные ночью.

– Ваш послужной список, – пояснил Элиот.

Я разглядел в чемоданчике фотографии. Глянцевые, черно-белые, восемь на десять. Судя по всему, дело обещало быть серьезным.

– В течение тринадцати лет вы служили в военной полиции, – сказал Элиот. – Быстрое продвижение по службе от младшего лейтенанта до майора. Благодарности и медали. Вами были довольны. Вы хорошо знали свое дело. Очень хорошо.

– Спасибо.

– Если точнее, даже лучше, чем очень хорошо. Несколько раз вам доверяли очень серьезную работу.

– Наверное.

– И тем не менее вас отпустили.

– Я попал под СВС, – объяснил я.

– Под СВС? – переспросила Даффи.

– Сокращение вооруженных сил. В армии очень любят аббревиатуры. Холодная война закончилась, военные расходы были урезаны, армия стала меньше. И ей перестало требо-ваться такое количество ребят, которым можно доверить очень серьезную работу.

– Армия никуда не делась, – возразил Элиот. – Под сокращение попали далеко не все.

– Согласен.

– Но почему уволили именно вас?

– Вы не поймете.

Он не стал настаивать.

– Вы можете нам помочь, – снова заговорила Даффи. – Вы видели кого-нибудь в машине?

Я ничего не ответил.

– В армии есть наркотики? – спросил Элиот.

Я улыбнулся.

– Все армии обожают наркотики. Так ведется испокон веку. Морфий, бензедрин. Гер-манский бундесвер изобрел «экстази». Это вещество создавалось как средство для подавле-ния чувства голода. ЦРУ изобрело ЛСД и опробовало его на американской армии. Армии всего мира питаются через вены.

– Недостаток развлечений?

– Средний возраст новобранцев – восемнадцать лет. Что вы хотите?

– Это создавало проблемы?

– Мы не считали эту проблему серьезной. Если какой-нибудь парень отправлялся в гости к своей подруге и выкуривал там пару косячков, мы не обращали на это внимания. Лучше пара сигарет с марихуаной, чем пара упаковок пива. Мы предпочитали, чтобы наши подопечные вели себя смирно, а не агрессивно.

Даффи взглянула на Элиота, и тот, подцепив фотографии ногтем, вытащил их из чемо-данчика. Протянул мне. Фотографий было четыре. Все четыре зернистые и чуть смазанные. На всех четырех тот самый «кадиллак девиль», который я видел вчера вечером. Я узнал его по номеру. Лимузин находился в гараже. У багажника стояли двое мужчин. На двух снимках

крышка багажника была закрыта. На двух – поднята. Мужчины смотрели на то, что находилось в багажнике. Сказать, на что именно, не представлялось никакой возможности. Один из мужчин был похож на мексиканского бандита. Другой, в годах, одетый в дорогой костюм, был мне незнаком.

Судя по всему, Даффи следила за выражением моего лица.

– Среди них нет того, кого вы видели? – спросила она.

– Я не говорил, что кого-то видел.

– Этот мексиканец – крупный наркоторговец, – пояснил Элиот. – Можно сказать, он крупнейший делец в Лос-Анджелесе. Разумеется, доказать это нельзя, но нам известно о нем все. Его доходы составляют несколько миллионов долларов в неделю. Он живет как султан. И этот человек приехал в штат Мэн, в Портленд, только чтобы встретиться с тем другим типом.

Я ткнул пальцем в один из снимков.

– Значит, это сделано в Портленде?

Даффи кивнула.

– В гараже в центре города. Около девяти недель назад. Я фотографировала сама.

– А кто этот второй?

– Точно мы не знаем. Естественно, мы проследили номера «кадиллака». Машина зарегистрирована на некую корпорацию «Большой базар». Руководство находится в Портленде, штат Мэн. Насколько мы смогли установить, корпорация начинала с торговли тем-сем с Ближним Востоком. В настоящий момент специализируется на импорте восточных ковров. Как нам удалось узнать, владеет корпорацией некий тип по имени Захария Бек. Предположительно именно он и снят на этих фотографиях.

– То есть мы имеем дело с гигантом, – сказал Элиот. – Если наш мексиканец из Лос-Анджелеса пересек всю страну для того, чтобы встретиться с ним, этот тип должен быть выше его по крайней мере на две ступеньки. А тот, кто стоит на две ступеньки выше мексиканца из Лос-Анджелеса, уже находится в стратосфере. Поверьте. Значит, этот Захария Бек – самая главная шишка, и он нас дурачит. Импортирует не ковры, а наркоту. И издевается над нами.

– Извините, – сказал я. – Я никогда прежде не видел этого человека.

– Не извиняйтесь, – произнесла Даффи, подавшись вперед на стуле. – Для нас как раз лучше, чтобы он был не тем, кого вы видели. Его мы уже знаем. Для нас было бы лучше, если бы вы увидели одного из его подручных. Тогда можно будет попытаться добраться до Бека с этой стороны.

– А нельзя действовать напрямую?

Последовало короткое молчание. Федералов явно что-то смущало.

– У нас есть кое-какие проблемы, – наконец вздохнул Элиот.

– Мне показалось, у вас готово дело на этого игрока из Лос-Анджелеса. И есть снимки, привязывающие его к этому типу Беку.

– Снимки нечистые, – сказала Даффи. – Я совершила ошибку.

Опять тишина.

– Этот гараж является частной собственностью, – снова заговорила она. – Он находится под офисным зданием. У меня не было ордера. Четвертая поправка¹ делает эти снимки незаконными.

– А нельзя сказать, что вы находились за пределами гаража?

---

¹ Четвертая поправка к Конституции США, принятая в 1791 году, провозглашает неприкосновенность личности, жилища, бумаг и имущества.

– Это физически неосуществимо. Адвокаты раскусят ложь за одну минуту, и наше дело рухнет.

– Нам нужно знать, кого вы видели, – сказал Элиот.

Я не ответил.

– Нам очень нужно это знать, – сказала Даффи.

Она произнесла это тем негромким голосом, от которого мужчинам хочется перепрыгнуть через небоскребы. Но в ее тоне не было ни фальши, ни преувеличения. Она сама не сознавала, как у нее хорошо получилось. Ей действительно было очень нужно знать правду.

– Зачем? – спросил я.

– Потому что я должна исправить свою ошибку.

– Все ошибаются.

– Мы направили по следу Бека одного нашего агента, – продолжала Даффи. – Секретного. Женщину. Она исчезла.

Молчание.

– Когда? – спросил я.

– Семь недель назад.

– Вы ее искали?

– Мы не знаем, где искать. Нам неизвестно, где Бек бывает. Мы даже не знаем, где он живет. На его имя не зарегистрирована никакая недвижимость. Должно быть, его дом принадлежит какой-то мифической компании. Это все равно что искать иголку в стогу сена.

– Вы не пробовали за ним следить?

– Пробовали. У Бека слишком хорошие шоферы и телохранители.

– Неужели Министерство юстиции не в силах с ними справиться?

– Мы не в силах. После того как я совершила эту грубейшую ошибку, операция была свернута.

– Даже несмотря на исчезновение агента?

– Никто не знает о том, что она исчезла. Мы пустили ее по следу, уже когда дело было закрыто. Никакой информации в архивах об этом нет.

Я молча посмотрел на Даффи.

– В архивах ничего нет, – уточнила она.

– Так как же вы работаете?

– Я возглавляю отдел. Никто каждый день не заглядывает мне через плечо. Я делаю вид, будто занимаюсь чем-то другим. Но на самом деле я работаю над этим делом.

– Значит, никто не знает об исчезновении той женщины?

– Только мой отдел. Семь человек. А теперь еще вы.

Я промолчал.

– Мы пришли прямо к вам, – сказала Даффи. – Нам нужна хоть какая-нибудь зацепка. Как вы думаете, почему мы прилетели сюда в воскресенье?

В номере воцарилась тишина. Я переводил взгляд с Элиота на Даффи и обратно. Я им нужен. Они нужны мне. И они мне понравились. Очень понравились. Открытые, обаятельные люди. Похожие на лучших из тех, с кем мне приходилось работать.

– Предлагаю сделку, – наконец заговорил я. – Информация в обмен на информацию. Посмотрим, что у нас получится. А там будет видно, как быть дальше.

– Что вам нужно?

Я попросил достать архивы десятилетней давности всех больниц городка под названием Юрика, штат Калифорния. Объяснил, что именно надо искать. Сказал, что останусь в Бостоне до тех пор, пока они не вернутся. Предупредил, чтобы они не делали никаких записей. После этого Элиот и Даффи ушли, и на этом завершились события дня номер два. В день

номер три не произошло никаких событий. Как и в день номер четыре. Я слонялся по городу. Пару дней Бостон еще можно было вытерпеть. Я называю такие города 48-часовыми. Если задержаться в них больше чем на двое суток, это начинает надоедать. Разумеется, для меня это верно в отношении большинства населенных пунктов. Я человек непоседливый. Так что к началу дня номер пять я начал сходить с ума. Я уже был готов предположить, что Элиот и Даффи начисто обо мне забыли. Я был готов забыть об уговоре и снова тронуться в путь. Я начал подумывать о Майами. Там сейчас должно было быть гораздо теплее. Но ближе к полудню зазвонил телефон. В трубке прозвучал голос Даффи. Я был очень рад его слышать.

– Мы уже в пути, – сказала она. – Встречаемся с вами у большой конной статуи не знаю кого, это где-то в середине авеню Свободы. В три часа.

Указания были не слишком точные, но я понял, что она имела в виду. Встреча должна была состояться в северной части города, рядом с церковью. На дворе стояла весна, и было еще слишком прохладно, чтобы тащиться в такую даль без цели, но все же я пришел на место заранее. Я сел на скамейку рядом с пожилой женщиной, кормившей воробьев и голубей кусками хлеба. Смерив меня взглядом, женщина перебралась на соседнюю скамейку. Птицы копошились у ее ног, ссорясь из-за хлебных крошек. Водянистое солнце воевало в небе с тучами. Как оказалось, на коне сидел Пол Ревир².

Даффи и Элиот появились точно в назначенный час. На обоих были черные плащи с поясами, пряжками и кармашками. С таким же успехом они могли повесить себе на шею таблички с надписью: «Федеральные агенты из Вашингтона». Они сели, Даффи слева от меня, Элиот – справа. Я откинулся назад, а они наклонились вперед, опершись локтями о колени.

– Из Тихого океана выловили одного типа, – начала Даффи. – Десять лет назад, на побережье к югу от Юрики, штат Калифорния. Белого мужчину лет сорока, получившего две пули в голову и одну в грудь. Калибр маленький, предположительно двадцать второй. После того как в мужчину всадили три пули, его сбросили со скалы в океан.

– Когда его выловили, он оказался живым? – спросил я, хотя уже знал ответ.

– Едва дышал, – сказала Даффи. – Одна пуля засела рядом с сердцем, у него был проломлен череп. А также сломаны рука, обе ноги и кости таза. К тому же он наглотался воды. Его оперировали пятнадцать часов подряд. Затем он пролежал месяц в реанимации, а потом еще шесть месяцев приходил в себя в больнице.

– Его личность была установлена?

– При нем не нашли никаких документов. В медицинской карточке он значился как Джон Доу³.

– А опознание не производилось?

– Отпечатки пальцев в картотеке не значились, – ответила Даффи. – В числе пропавших без вести никого похожего не было. За ним никто не пришел.

Я кивнул. Компьютер на запрос об отпечатках пальцев выдает то, что ему велено отвечать.

– И что дальше? – спросил я.

– Он поправился, – продолжала Даффи. – Прошло полгода. Врачи стали думать, как быть с ним дальше, но тут он сам выписал себя. С тех пор его никто не видел.

– Он ничего не рассказывал про себя?

– Ему поставили диагноз амнезия, что было естественно вследствие травмы. Врачи считали, он действительно мог ничего не помнить о самом несчастном случае и предше-

---

² Ревир Пол (1735–1818) – участник Войны за независимость, бостонский активист организации «Сыны свободы». Прославился тем, что в ночь на 18 апреля 1775 года принес в г. Лексингтон, где находились восставшие ополченцы, весть о готовящемся нападении англичан.

³ Условное обозначение лица мужского пола, чье имя неизвестно или не оглашается по каким-либо причинам.

ствующих двух-трех днях. Однако более ранние события он должен был помнить, и у врачей сложилось сильное подозрение, что он притворялся, изображая полную потерю памяти. Его история болезни весьма объемистая. Отчеты психиатров и тому подобное. Осматривали его регулярно. Но он вел себя очень упрямо. Так и не сказал о себе ни слова.

– Каково было его физическое состояние, когда он покинул больницу?

– Довольно приличное. На лице остались шрамы от огнестрельных ранений, но больше ничего серьезного.

– Хорошо, – сказал я.

Закинув голову, я уставился в небо.

– Кто этот человек?

– Ваши предположения? – спросил я.

– Ранения пулями маленького калибра в голову и грудь? – сказал Элиот. – А потом сброшен в океан? Дело рук организованной преступности. Заказное убийство. С ним расправился профессиональный киллер.

Я ничего не сказал.

– Кто этот человек? – повторила Даффи.

Глядя в небо, я вернулся на десять лет назад, в совершенно другой мир.

– Вы разбираетесь в танках? – наконец спросил я.

– В боевых танках? С гусеницами и пушками? Не слишком.

– Тут нет ничего сложного, – сказал я. – То есть, конечно, хочется, чтобы танк ездил быстро, был надежным, ну, не помешает и экономия горючего. Но если у меня есть танк и у вас есть танк, какой единственный вопрос меня интересует?

– И какой?

– Смогу я подбить вас до того, как вы подобьете меня? Вот что будет интересовать меня в первую очередь. Если мы находимся друг от друга на расстоянии мили, достанет ли вас снаряд из моего орудия? И достанет ли меня снаряд из вашего орудия?

– Ну и?

– Разумеется, против законов физики не попрешь, так что разумно будет предположить, что если я смогу поразить вас на расстоянии мили, то и вы сможете меня поразить. Таким образом, все сводится к боеприпасам. Если я отъеду дальше на пару сотен ярдов, так чтобы ваш снаряд отскочил от меня, не причинив никакого вреда, можно ли создать снаряд, который не отскочит от вас? Вот что главное в танках. Тип, которого выудили из океана, был сотрудником военной разведки, он пытался шантажировать специалиста по танковому вооружению.

– Почему он оказался в океане?

– Вы смотрели по телевизору войну в Персидском заливе? – спросил я.

– Ну, я смотрел, – сказал Элиот.

– Забудьте о самонаводящихся бомбах, – продолжал я. – Настоящей звездой этого шоу стал основной боевой танк «Абрамс М1А1». Счет встречи был четыреста – ноль в его пользу, а иракцы выставили все лучшее, что только смогли достать. Но поскольку войну показывали по телевидению, это означало, что мы раскрыли свои карты всему миру, так что нам пришлось к следующему разу изобрести что-нибудь новенькое. Что и было сделано.

– Что именно? – спросила Даффи.

– Если вы хотите, чтобы снаряд летел дальше и причинял при ударе больше вреда, можно увеличить заряд. Или сделать снаряд легче. Или сделать и то и другое. Разумеется, для того, чтобы сделать снаряд легче, надо предпринять что-то радикальное. Именно это и придумали наши специалисты. Они убрали из снаряда взрывчатку. Звучит странно, правда? Вроде бы зачем нужен такой снаряд? Подумаешь, ударится о броню и отскочит. Но была изменена форма снаряда. Было придумано что-то похожее на гигантский дротик для игры в

дартс. С оперением. Все это отливается целиком из вольфрама и обедненного урана. Металлов с самой высокой удельной плотностью, какие только есть. Такой снаряд летит очень быстро и очень далеко. Его окрестили «длинной пробивной штуковиной».

Взглянув на меня из-под полуопущенных век, Даффи одновременно улыбнулась и покраснела. Я улыбнулся в ответ.

– Официально он называется по-другому, – поспешил успокоить ее я. – БПСО. Как я уже говорил, в армии любят аббревиатуры. Бронебойно-подкалиберный со стабилизирующим оперением. Как правило, такой снаряд имеет свой собственный реактивный двигатель. Он попадает в неприятельский танк, обладая огромной кинетической энергией. Эта кинетическая энергия превращается в тепловую, как нас и учили в средней школе. За долю секунды снаряд плавит броню, прокладывая себе дорогу, и врывается внутрь неприятельского танка струей раскаленного металла, которая убивает танкистов и поджигает все горючее и взрывающееся. Штука просто бесподобная. Любое попадание обязательно приводит к желаемому результату. Если вражеская броня оказалась слишком толстой или вы стреляли со слишком большого расстояния, снаряд просто застревает в броне, словно дротик, и расщепляется, при этом внутренний слой брони разлетается вдребезги, осыпая все вокруг осколками, словно граната. Экипаж вражеского танка после этого напоминает лягушек, прошедших через мясорубку. Это оружие стало поистине революционным прорывом.

– А при чем тут тот тип из океана?

– Он получал от того инженера, которого шантажировал, копии чертежей, – сказал я. – Постепенно, в течение длительного времени. Мы за ним следили. Нам было известно, чем он занимается. Мерзавец собирался продать свою информацию иракской разведке. Иракцы намеревались к следующему раунду уравнивать силы. Американская армия не собиралась этого допустить.

Элиот пристально взглянул на меня.

– И поэтому тот тип был убит?

Я покачал головой.

– Мы отправили пару военных полицейских, чтобы его арестовать. Поверьте мне, все должно было быть сделано в рамках закона. Но произошли непредвиденные осложнения. Этому типу удалось бежать. Он мог исчезнуть. Но американская армия очень этого не хотела.

– И тогда его попытались убить?

Я снова уставился в небо, ничего не ответив.

– Это уже было не в рамках закона, так? – спросил Элиот.

Я молчал.

– В архивах данных об этом нет, – продолжал он.

Я снова ничего не сказал.

– Но он не умер, – сказала Даффи. – Как его звали?

– Куин, – ответил я. – На мой взгляд, самый плохой человек из всех, кого я знал.

– И именно его вы видели в воскресенье в машине Бека?

Я кивнул:

– Шофер увез его от симфонического зала.

Я сообщил Даффи и Элиоту все известные мне подробности. Но мы понимали, что эта информация бесполезна. Нельзя было даже помыслить, что Куин оставил свою прежнюю фамилию. Так что я смог только предоставить описание внешности ничем не примечательного белого мужчины лет пятидесяти с двумя шрамами от пуль 22-го калибра на лбу. Лучше, чем ничего, но все же пользы от этого никакой.

– Почему мы не нашли в архивах его пальчиков? – спросил Элиот.

– Все данные о нем стерли, – сказал я. – Как будто Куина никогда не было.

- Почему он остался в живых?
- Двадцать второй калибр с глушителем, – объяснил я. – Оружие стандартное для тайных операций. Но не слишком мощное.
- Этот Куин до сих пор представляет собой опасность?
- Только не для армии, – сказал я. – Это уже дело прошлое. С тех пор минуло больше десяти лет. Бронебойно-подкалиберный снаряд скоро отнесут в музей. Как и танк «Абрамс».
- Тогда зачем же он вам нужен?
- Потому что в зависимости от того, что именно Куин помнит, он может быть опасным для того, кто его брал.
- Элиот кивнул, ничего не сказав.
- Куин произвел на вас впечатление важной персоны? – спросила Даффи. – В субботу, в машине Бека?
- Определенно он выглядел человеком состоятельным, – сказал я. – Дорогое кашемировое пальто, кожаные перчатки, шелковый шарф. Он произвел на меня впечатление человека, привыкшего к тому, что его возит личный шофер. Он просто сел в машину, словно это было что-то само собой разумеющееся.
- Он поздоровался с шофером?
- Я не заметил.
- Нам необходимо точно определить его место, – сказала Даффи. – Попробуйте восстановить весь контекст. Как вел себя этот Куин? Он пользовался машиной Бека. При этом он вел себя так, будто машина была его по праву? Или как если бы кто-то сделал ему одолжение?
- Он вел себя так, будто машина была его по праву, – подумав, сказал я. – Будто он пользуется ею каждый день.
- Значит, он ровня Беку?
- Я пожал плечами.
- Возможно, он босс Бека.
- В лучшем случае партнер, – возразил Элиот. – Наш парень из Лос-Анджелеса не отправился бы в такой дальний путь лишь для того, чтобы встретиться с чьим-то подручным.
- Не могу себе представить Куина чьим-либо партнером, – заметил я.
- Что он собой представлял?
- Был нормальным человеком, – сказал я. – Для офицера военной разведки. В основном.
- Но только он стал шпионом, – заметил Элиот.
- Да, – согласился я. – Он стал шпионом.
- А также он чем-то провинился, и его решили убить втихую.
- И это тоже.
- Даффи умолкла, над чем-то размышляя. У меня возникло сильное подозрение, что она пытается придумать, как можно меня использовать. И я совершенно не возражал против этого.
- Вы еще задержитесь ненадолго в Бостоне? – наконец спросила она. – Где мы сможем вас найти?
- Я сказал, что задержусь, и на этом закончился день номер пять.

Познакомившись в спортивном баре со спекулянтами билетами, я провел большую часть дней номер шесть и семь на стадионе, наблюдая за тем, как бейсбольная команда «Ред сокс» пытается набрать форму в начале сезона. В пятницу в матче было одиннадцать периодов, и он закончился очень поздно. Поэтому почти весь день номер восемь я проспал, а вечером отправился к симфоническому залу, чтобы посмотреть на выходящих после кон-

црта зрителей. Вдруг Куин приобрел абонемент на сезон. Но он так и не показался. Я прокрутил в памяти то, какой именно взгляд он бросил на меня неделю назад. Такой взгляд мог бросить простой прохожий, недовольный толпой, запрудившей улицу. Но может быть, за этим стояло что-то еще.

Сьюзен Даффи перезвонила мне утром дня номер девять, в воскресенье. Ее голос прозвучал совершенно иначе – как голос человека, который много думал. И придумал какой-то план.

– Вестибюль гостиницы, в полдень, – сказала она.

Даффи приехала в машине. Одна. У нее был «форд таурус», самая простая модель. Салон мрачный. Такие машины выдает своим служащим правительство. На Даффи были вытертые джинсы, дорогие ботинки и выдавшая виды кожаная куртка. Вымытые волосы были зачесаны назад. Я сел рядом с ней. Даффи пересекла шестиполосную магистраль и нырнула в тоннель, ведущий к Масс-Пайку.

– У Захарии Бека есть сын, – сказала Даффи.

Машина быстро промчалась по подземному повороту, тоннель закончился, и мы снова очутились на бледном апрельском солнце.

– Он учится на предпоследнем курсе колледжа, – заговорила Даффи. – Какое-то захудалое заведение художественного толка, как выяснилось, находится здесь неподалеку. Мы поговорили с однокурсником этого сынка. Он многое нам поведал в обмен на обещание замять дело о марихуане. Сынка зовут Ричард Бек. Всеобщей любовью на курсе не пользуется, вообще парень со странностями. Похоже, его психику очень травмировало одно происшествие, случившееся около пяти лет назад.

– И что это было?

– Его похитили.

Я промолчал.

– Видишь? – продолжала Даффи. – Знаешь ли ты, как часто в наши дни похищают детей обычных людей?

– Нет, – ответил я.

– Этого практически не происходит, – сказала она. – Это вымирающий вид преступлений. Значит, похоже, мы имеем дело с преступными разборками. Похищение мальчишки практически доказывает, что у его отца рыльце в пушку.

– Это только предположение.

– Ну хорошо, однако доказательства весьма убедительны. Заявления о похищении не было. В ФБР о нем нет никаких данных. Все было устроено тихо, с глазу на глаз. И не слишком хорошо. Однокурсник утверждает, что у Ричарда Бека нет уха.

– И?

Даффи ничего не ответила. Она просто ехала дальше на запад. Вытянувшись на сиденье, я краем глаза следил за ней. Посмотреть было на что. Она была высокая, стройная и красивая, и в ее глазах горела жизнь. Косметикой Даффи не пользовалась. Она принадлежала к тем женщинам, которым это абсолютно не требуется. Я был очень счастлив, что она катала меня на машине. Но на самом деле она меня не катала. Она меня куда-то везла. Это было очевидно. Она приехала за мной, имея план.

– Я изучила твой послужной список, – снова заговорила Даффи. – В мельчайших деталях. Ты произвел на меня впечатление.

– Ты мне льстишь.

– И у тебя большой размер ноги, – сказала она. – Это тоже хорошо.

– Почему?

– Увидишь.

– И все же скажи.

– Мы очень похожи друг на друга, – сказала она. – Ты и я. У нас много общего. Я хочу подобраться к Захарии Беку, чтобы вернуть своего агента. Ты хочешь подобраться к нему, чтобы найти Куина.

– Твой агент мертв. Прошло восемь недель, можно надеяться только на чудо. Ты должна взглянуть правде в глаза.

Даффи промолчала.

– И мне наплевать на Куина.

Мельком взглянув на меня, она покачала головой.

– Неправда, – сказала она. – Он тебе нужен. Я это чувствую. Этот Куин гложет тебе душу. Он для тебя – незавершенное дело. А ты, насколько я успела понять, терпеть не можешь незавершенные дела. – Она помолчала. – Ну а я буду исходить из предположения, что мой агент до сих пор жив – до тех пор, пока ты не представишь мне убедительных доказательств обратного.

– Я? – переспросил я.

– Своих людей я использовать не могу, – объяснила Даффи. – Это ведь ты понимаешь, правильно? С точки зрения Министерства юстиции вся эта затея противозаконна. Так что все свои дальнейшие шаги я буду делать как частное лицо. А ты, как мне кажется, как раз тот человек, который прекрасно разбирается в подобных делах. И не имеет ничего против. Больше того, по-моему, ты даже предпочитаешь работать сам по себе.

– И?

– Мне нужно, чтобы мой человек попал в дом к Беку. И я решила, что этим человеком будешь ты. Ты станешь моим бронебойно-подкалиберным снарядом.

– Как?

– Тебя туда введет Ричард Бек.

Даффи свернула с магистрали милях в сорока к западу от Бостона и направилась на север в глубь Массачусетса. Мы проезжали мимо живописных селений Новой Англии. Пожарные в депо у дороги начищали до блеска свои машины. Щebetали птицы. Фермеры засевали поля и стригли кустарники. В воздухе висел запах костров.

Мы остановились у одинокого мотеля, затерявшегося в сельской глуши. Безукоризненно чистое местечко с аккуратными кирпичными фасадами и ослепительно белыми наличниками. На стоянке стояли пять машин, перегораживавших двери пяти крайних номеров. Все машины были служебными. В среднем номере нас ждали Стивен Элиот и пятеро других мужчин. Они притащили с собой стулья из своих номеров и расселись полукругом. Даффи провела меня в номер и кивнула Элиоту. Я предположил, что этот кивок означал: «Я ему все рассказала, и он не ответил «нет». Пока». Пройдя к окну, Даффи развернулась лицом к собравшимся. Ее силуэт четко вырисовывался на фоне яркого солнечного света. При этом черты ее лица потерялись в тени. Даффи кашлянула, прочищая горло. В номере воцарилась тишина.

– Так, ребята, не будем терять время и сразу перейдем к делу, – сказала Даффи. – Напоминаю последний раз, что то, чем нам предстоит заняться, не санкционировано законом. Мы будем заниматься этим в свое свободное время, на свой страх и риск. Если кому-то это не нравится, еще не поздно выйти из игры.

Никто не тронулся с места. Никто не вышел из номера. Я оценил предпринятую Даффи тактику. Мне сразу было показано, что у них с Элиотом есть еще по крайней мере пять человек, которые пойдут за ними в преисподнюю и обратно.

– У нас меньше сорока восьми часов, – заговорила Даффи. – Послезавтра Ричард Бек уезжает к себе домой на день рождения матери. Наш источник говорит, это происходит каждый год. Он просто пропускает занятия. Отец присылает за ним машину с двумя профессии-

ональными телохранителями, потому что мальчишка до смерти боится нового похищения. Мы сыграем на этом страхе. Мы уберем телохранителей и похитим мальчишку.

Она остановилась. Все молчали.

– Наша цель состоит в том, чтобы проникнуть в дом Захарии Бека, – продолжила Даффи. – Можно предположить, что самим посетителям там вряд ли будут рады. Так что наш друг Ричер сразу же вырвет мальчишку из рук предполагаемых похитителей. Все произойдет очень быстро: похищение, спасение и так далее. Мальчишка преисполнен признательности, и Ричера встречают как героя у семейного очага.

Некоторое время собравшиеся молчали. Затем зашевелились. В плане было столько дыр, что по сравнению с ним швейцарский сыр казался чем-то сплошным. Я пристально посмотрел на Даффи. Затем поймал себя на том, что уставился в окно. Есть много способов латать дыры. Мой мозг пришел в движение. Мне стало интересно, как много дыр уже успела заметить сама Даффи. Как много ответов у нее уже есть. Как она узнала, что такое мне по нраву.

– Зрительская аудитория будет состоять из одного человека, – вновь заговорила Даффи. – Значение имеет только то, что подумает Ричард Бек. Все будет шито белыми нитками от начала и до конца, но его необходимо убедить в реальности происходящего.

Элиот посмотрел на меня.

– Слабые места?

– Два, – сказал я. – Во-первых, как вы собираетесь убрать телохранителей, не расправляясь с ними физически? Полагаю, настолько далеко вы заходить не собираетесь.

– Быстрота, шок, неожиданность, – сказал Элиот. – У похитителей будут пистолеты-пулеметы и море холостых патронов. Плюс шоковая граната. Как только мальчишку вытащат из машины, мы бросим туда гранату. Вспышка, грохот. Очень эффектно. Телохранители будут оглушены, но и только. Однако мальчишка решит, что они превратились в фарш.

– Хорошо, – согласился я. – Но остается второе. Все должно выглядеть совершенно логично, так? Я просто оказываюсь поблизости и совершенно случайно спасаю мальчишку. То есть я человек умный и ловкий. Так почему же я не тащу его в ближайший полицейский участок? Или не жду, когда к нам приедут фараоны? Почему я просто не остаюсь на месте, не даю свидетельские показания и не помогаю следствию? С чего бы мне срочно сматываться с места преступления, забрав мальчишку с собой?

Элиот посмотрел на Даффи.

– Мальчишка будет напуган до смерти, – сказала та. – Он захочет, чтобы вы отвезли его домой.

– Но почему я должен буду согласиться? Не важно, чего хочет он. Главное – какой мой шаг будет логичным. Потому что наша аудитория состоит не из одного человека. Она состоит из двух человек. Из Ричарда Бека и Захарии Бека. Ричард Бек присутствует при происходящем, Захария Бек появляется позднее. Он будет смотреть на все в ретроспективе. Нам необходимо убедить и его тоже.

– Мальчишка наверняка попросит тебя не обращаться в полицию. Как и в прошлый раз.

– Но почему я стану его слушать? Если я человек нормальный, я в первую очередь должен буду подумать о полиции. Я буду делать все как положено.

– Мальчишка станет тебя уговаривать.

– А я не буду обращать на него внимания. С чего бы умному и ловкому взрослому слушать ополоумевшего от страха мальчишку? Это неправильно. Я выставляю себя чересчур покладистым, чересчур готовым помочь, и в этом чувствуется фальшь. Подход слишком прямолинейный. Захария Бек раскусит нас за минуту.

– А что, если ты посадишь мальчишку к себе в машину, а потом за вами будет погоня?

– Я поеду прямиком в полицейский участок.

– Черт! – выругалась Даффи.

– План неплохой, – заметил я. – Но нужно подправить его так, чтобы он стал похож на правду.

Я снова выглянул в окно. На улице ярко светило солнце. Повсюду была зелень. Деревья, кусты, лесистые холмы вдаль, покрытые пылью молодой листвы. Уголкем глаз я видел, что Элиот и Даффи сидят, уныло уставившись в пол. Остальные пятеро сидели неподвижно. Кажется, ребята были способные. Двое чуть моложе меня, высокие и светловолосые. Двое одних лет со мной, ничем не примечательные с виду. Еще один уже в годах, седой и сутулый. Я думал долго и напряженно. Похищение, спасение, дом Бека. Мне нужно попасть домой к Беку. Непременно. Потому что я должен найти Куина. Игра обещает быть долгой. Я попытался взглянуть на все с точки зрения мальчишки. Затем с точки зрения его отца.

– План неплохой, – наконец снова заговорил я, – но его нужно доработать. Я должен стать человеком, который не будет обращаться в полицию. – Я помолчал. – Нет, еще лучше: прямо на глазах у Ричарда Бека я должен стать человеком, который *не может* обратиться в полицию.

– И как ты собираешься этого добиться? – спросила Даффи.

Я посмотрел ей в глаза.

– Я должен еще кого-нибудь убить. Случайно, в суматохе. Другого прохожего. Человека совершенно постороннего. Ситуация должна быть двусмысленной. Например, я кого-то собью на машине. Какую-нибудь пожилую даму, выгуливающую собачку. Задавлю насмерть. Тогда я запаникую и поспешу смыться.

– Срежиссировать это слишком сложно, – возразила Даффи. – К тому же этого все-таки недостаточно для того, чтобы заставить тебя смыться. Я хочу сказать, в таких ситуациях случайности происходят сплошь и рядом.

Я кивнул. Все молчали. Закрыв глаза, я снова начал думать, и наконец у меня перед глазами стали вырисовываться наброски того, как все это должно быть.

– Хорошо, – сказал я. – А как вам нравится вот это? Я убиваю полицейского. Случайно.

Все молчали. Я открыл глаза.

– Это гениальный ход, – продолжил я. – Вы согласны? Все безукоризненно. Захария Бек не усомнится в том, почему я не поступил так, как должен был поступить на моем месте нормальный человек, и не обратился в полицию. К полицейским не обращаются, только что убив одного из них, даже если это произошло случайно. Бек это поймет. Кроме того, у меня появится причина остаться у него дома. Чего мы как раз и добиваемся. Бек решит, что мне нужно спрятаться. Он будет признателен мне за спасение сына; а поскольку он преступник, его совесть будет молчать.

Никаких возражений не последовало. Опять тишина, а затем медленно нарастающий неразборчивый гул согласия, одобрения, поддержки. Я разложил все по полочкам, от начала и до конца. Необходимо просчитать все на много ходов вперед. Я улыбнулся.

– Больше того, – снова заговорил я, – есть вероятность, что Бек возьмет меня к себе на работу. Я уверен, что у него возникнет соблазн это сделать. Потому что мы создадим иллюзию, будто его семейство внезапно оказалось под ударом, он разом лишится двоих телохранителей, а я, на его взгляд, буду лучше, чем они, потому что они проиграли, а я одержал верх. Так что Бек будет просто счастлив нанять меня: раз я убил полицейского, а он меня укрывает, он сочтет, что я ему принадлежу.

Даффи тоже улыбнулась.

– Что ж, давайте за работу, – сказала она. – У нас осталось меньше сорока восьми часов.

Двое молодых ребят были выбраны на роли похитителей. Мы решили, что они воспользуются пикапом «тойота» со стоянки задержанных машин федерального управления

по борьбе с наркотиками. «Похитители» будут вооружены конфискованными «узи» с холостыми патронами. Шоковую гранату позаимствовали в арсенале отряда специального назначения. Затем мы начали репетировать мою роль спасателя. Подобно всем мошенникам, мы решили, что мне нужно будет постараться держаться как можно ближе к правде. Поэтому мне предстояло стать бывшим военным, бродягой, оказавшимся в нужное время в нужном месте. Я должен был быть вооружен, что для штата Массачусетс было бы незаконным, однако соответствовало бы моей роли и повышало мои баллы в глазах Бека.

– Мне будет нужен большой старый револьвер, – сказал я. – Что-нибудь такое, что подойдет простому гражданину. Нам надо будет разыграть большую драму. «Тойота» мчится на меня, я должен ее остановить. Я буду в нее стрелять. Значит, мне будут нужны три боевых патрона и три холостых, заряженные в определенной последовательности. Три боевых патрона на машину, затем три холостых на людей.

– Мы сможем зарядить так любое оружие, – сказал Элиот.

– Но мне нужно будет видеть патронник, – возразил я. – Перед каждым выстрелом. Я не буду стрелять смешанными боеприпасами, не проверив визуально каждый патрон. Так что мне будет нужен револьвер. Не маленький пугач, а что-нибудь большое, чтобы я видел отчетливо.

Элиот понял, что я имел в виду. Сделал заметку. Затем мы выбрали пожилого на роль полицейского. Даффи предложила, что он просто случайно попадет под пулю.

– Нет, – сказал я. – Это должна быть ошибка. Не просто случайный выстрел. Мы должны произвести впечатление на Бека-старшего. Я должен убить полицейского сознательно, но не нарочно. Мне нужно показать себя сумасшедшим, но сумасшедшим, умеющим стрелять.

Даффи согласилась, и Элиот, мысленно перебрав список имеющихся в распоряжении транспортных средств, предложил мне старый фургон. Сказал, что я смогу выдавать себя за человека, развозящего товар. Это даст мне законное право болтаться на улице. Мы стали составлять различные списки, как на бумаге, так и в уме. Двое парней моего возраста, оставшиеся без дела, похоже, были этим недовольны.

– Вы будете полицейскими прикрытия, – предложил я. – Предположим, мальчишка даже не увидит, как я убил первого. Ну, например, свалится в обморок. Мало ли что? Вы погонитесь за нами на машине, и я расправлюсь с вами тогда, когда буду уверен, что мальчишка на меня смотрит.

– Никаких полицейских прикрытия, – возразил пожилой. – Вы только подумайте, на что это будет похоже? Вдруг оказывается, что это глухое место кишмя кишит полицейскими.

– Это будут охранники колледжа, – вставила Даффи. – Все учебные заведения нанимают охрану из числа полицейских. И они случайно окажутся поблизости. Где им еще находиться?

– Замечательно, – подхватил я. – Они выедут прямо из студенческого городка. Оставаясь сзади, они смогут контролировать все по рации.

– Как ты собираешься с ними расправиться? – спросил меня Элиот так, как будто с этим могли возникнуть проблемы.

Я кивнул, понимая, что он имеет в виду. К этому моменту я уже должен буду выпустить шесть пуль.

– Перезаряжать револьвер я не смогу, – согласился я. – Не в то время, пока веду машину. И не холостыми. Мальчишка может заметить.

– А что, если ты пойдешь на таран? Столкнешь их с дороги?

– Только не на старом разбитом фургоне. У меня должен быть второй револьвер. Заряженный и спрятанный в фургоне. Скорее всего, в бардачке.

– Ты собираешься развезать с двумя пушками? – спросил пожилой. – Для Массачусетса это будет выглядеть довольно странно.

Я кивнул.

– Это слабое место. Но мы должны пойти на риск.

– Значит, я буду в штатском, – сказал пожилой. – Стрелять в полицейского в форме – это уже не случайная оплошность. Тогда слабых мест станет два.

– Хорошо, – согласился я. – Замечательно. Ты детектив в штатском, ты вытаскиваешь свой значок, а я думаю, что это пистолет. Такое случается.

– Но как мы будем умирать? – спросил пожилой. – Просто схватимся за животы и повалимся на землю, как в старом кино про Дикий Запад?

– Это не будет убедительно, – возразил Элиот. – Все должно выглядеть как надо. У Ричарда Бека не должно возникнуть никаких сомнений.

– Нам будут нужны реквизиты из Голливуда, – сказала Даффи. – Кевларовые бронежилеты и презервативы с фальшивой кровью, взрывающиеся по радиосигналу.

– Ты сможешь это достать?

– Надеюсь, в Нью-Йорке или Бостоне найдется что-нибудь подходящее.

– У нас очень мало времени.

– Можешь мне не напоминать об этом, – усмехнулась Даффи.

На этом завершился день номер девять. Даффи хотела, чтобы я перебрался в мотель, и предложила отправить кого-нибудь за моими вещами, оставшимися в гостинице в Бостоне. Я успокоил ее, сказав, что у меня нет никаких вещей. Она искоса посмотрела на меня, но промолчала. Я устроился в номере рядом с пожилым. Кто-то съездил за пиццей. Все вокруг суетились и постоянно звонили кому-то по сотовым телефонам. Меня оставили в покое. Я лег на кровать и мысленно прокрутил все от начала до конца. Составил перечень того, что мы упустили из виду. Перечень получился длинным. Но больше всего меня беспокоил один пункт. Строго говоря, не имевший отношения к этому перечню. Как бы параллельный ему. Встав с кровати, я отправился на поиски Даффи. Она как раз приехала и шла со стоянки в свой номер.

– Захария Бек тут не главный, – сказал я. – Он не может быть главным. Если в дело замешан Куин, он босс. Второй скрипкой он не будет. Если только этот Бек не негодяй еще почище Куина, но об этом мне даже не хочется говорить.

– А может быть, твой Куин стал другим, – возразила Даффи. – Как-никак он получил две пули в голову. Быть может, это как-то затронуло его мозг. Сделало его не таким ретивым.

Я ничего не ответил. Даффи заторопилась прочь. Я вернулся к себе в номер.

День номер десять начался с того, что прибыли транспортные средства. Пожилому достался семилетний «шевроле каприс», с которым он должен был разыгрывать свою роль полицейского в штатском. Машина была с мотором от «корвета», последнего года выпуска этой модели. Внешний вид у нее был как раз такой, какой требовался. Пикап оказался старой, облупившейся колымагой красного цвета. Впереди красовался кенгурятник. Я краем уха услышал, как молодые ребята обсуждали, можно ли будет этим воспользоваться. Мне предстояло сесть за руль непримечательного коричневого фургона. Это была самая не привлекающая к себе внимания машина, какую мне только доводилось видеть. Салон без окон; в задней двери два небольших окошка. Я проверил, есть ли бардачок. Есть.

– Все в порядке? – спросил Элиот.

Я похлопал фургон по капоту, как это делают водители грузовиков, и толстый металл глухо загудел в ответ.

– Замечательно, – сказал я. – Я хочу, чтобы револьверы были под мощные патроны сорок четвертого калибра «магнум». Мне нужно три патрона с тяжелыми пулями с мягкими наконечниками и девять холостых. Постарайтесь, чтобы холостые были как можно громче.

– Хорошо, – кивнул Элиот. – А почему именно с мягкими наконечниками?

– Меня беспокоит рикошет, – объяснил я. – Я не хочу задеть кого-нибудь случайно. Пули с мягким наконечником деформируются и застревают в том, во что попали. Я выстрелю один раз в радиатор и два раза по колесам. Подкачайте шины, чтобы они при попадании взорвались. Это будет более зрелищно.

Элиот бросился выполнять мои пожелания. Ко мне подошла Даффи.

– Тебе понадобится вот это. – Она протянула плащ и перчатки. – Так ты будешь выглядеть более естественно. Как-никак, по утрам здесь еще довольно прохладно. К тому же плащ скроет револьвер.

Я примерил плащ. Он сидел на мне как влитой. Похоже, Даффи прекрасно определяла размеры одежды на взгляд.

– Не надо забывать про психологию, – продолжила она. – Ты должен быть готов действовать гибко. С мальчишкой может случиться ступор. И тебе потребуется добиваться от него какой-либо ответной реакции. В идеале будет, если он очнется и начнет говорить. Полагаю, в этом случае тебе придется немного поупрямиться и не сразу согласиться влезать в его дела еще больше. В идеале он сам должен уговорить тебя отвезти его домой. Но в то же время ты должен держать все в своих руках. Необходимо действовать быстро, чтобы мальчишка не успел сосредоточить внимание на том, что видит.

– Хорошо, – согласился я. – В таком случае я меняю запрос на боеприпасы. Второй патрон во втором пистолете должен быть боевым. Я прикажу мальчишке лечь на пол, а потом вышибу стекло в задней двери. Он решит, что это в нас стреляют охранники колледжа. Потом я снова заставлю его выпрямиться. Это увеличит у него ощущение страха и в то же время приучит его делать то, что я говорю. К тому же он будет рад видеть, как охранники получают по шее. Потому что я не хочу, чтобы он начал драться, пытаясь меня остановить. В этом случае все может кончиться аварией, и тогда нам обоим придется худо.

– Вообще-то вам неплохо будет сблизиться друг с другом, – заметила Даффи. – Нам нужно, чтобы мальчишка обрисовал тебя своим родителям в самых лучших красках. Я согласна: если тебя наймут на работу, это будет попаданием в яблочко. Ты получишь доступ к Беку. Так что попытайся произвести на мальчишку впечатление. Но действуй очень ненавязчиво. Не нужно, чтобы он проникся к тебе симпатией. Необходимо только, чтобы он принял тебя за крутого парня, который знает, что делает.

Я отправился к Элиоту и двум парням, которым предстояло быть охранниками колледжа. Мы договорились, что они сначала будут палить в меня холостыми, затем я сделаю один холостой выстрел, после этого боевым патроном разобью заднее окно фургона, потом сделаю еще один холостой выстрел и наконец израсходую один за другим три последних холостых патрона. В момент последнего выстрела они боевым патроном высадят стекло в своей машине и свалятся под откос, как будто я попал в колесо или в водителя.

– Только не перепутай холостые и боевые, – попросил меня один из парней.

– И вы тоже.

Пообедали мы снова пиццей, а затем отправились знакомиться с местом действия. Остановившись в миле от колледжа, мы склонились над картами. Затем рискнули трижды проехать на двух машинах мимо ворот. Я предпочел бы потратить больше времени на знакомство, но мы не хотели привлекать внимание. В молчании вернувшись в мотель, мы собрались в номере Элиота.

– Вроде бы все в порядке, – сказал я. – В какую сторону они повернут?

– Мэн на севере, – заметила Даффи. – Мы можем предположить, Бек живет где-то неподалеку от Портленда.

Я кивнул.

– Но на мой взгляд, они должны повернуть на юг. Так ближе до автострады. А стандартные меры предосторожности требуют как можно быстрее попасть на оживленную дорогу.

– Это рулетка.

– Они повернут на юг, – уверенно заявил я.

– Что-нибудь еще? – спросил Элиот.

– Я буду полным кретином, если не избавлюсь от фургона, – сказал я. – Старик Бек проникнется ко мне большим доверием, если я брошу фургон и угоню другую машину.

– Где? – спросила Даффи.

– Если верить карте, рядом с автострадой есть супермаркет.

– Хорошо, мы приготовим там для тебя новую машину.

– Ключи спрятать под бампером? – предложил Элиот.

Даффи покачала головой.

– Чересчур грубо. Нужно, чтобы все выглядело абсолютно убедительно. Ричер должен угнать эту машину по-настоящему.

– Я не знаю, как это делается, – сказал я. – Мне еще никогда не приходилось угонять машину.

В номере воцарилась тишина.

– Я знаю только то, чему меня учили в армии, – объяснил я. – Военные машины никогда не запираются. И у них нет ключей зажигания. Они заводятся кнопкой.

– Хорошо, – сказал Элиот. – Неразрешимых проблем не бывает. Машину мы оставим незапертой. Но ты притворишься, будто она заперта. Сделаешь вид, что возишься с замком. Мы оставим поблизости моток проволоки и проволочные плечики. Ты попросишь мальчишку что-нибудь найти. Сделаешь его соучастником. Это поможет создать иллюзию. Затем повозишься с замком, и – оп! – дверь откроется. Мы разберем кожух рулевой колонки. Зачистим нужные провода – только нужные. Ты их отыщешь и соединишь вместе – и разом станешь плохим парнем.

– Гениально! – похвалила Даффи.

Элиот улыбнулся.

– Стараюсь.

– Давайте устроим перерыв, – предложила Даффи. – Продолжим после ужина.

Последние элементы мозаики встали на свое место после ужина. Вернулись двое и привезли недостающее снаряжение. Мне досталась пара одинаковых кольтов «анаконда». Это были большие мощные револьверы. На вид дорогие. Я не стал спрашивать, откуда они. Вместе с револьверами мне дали коробку боевых патронов 44-го калибра «магнум» и коробку холостых. Холостые были куплены в хозяйственном магазине. Они предназначались для мощного молотка. Такие молотки используются для забивания костылей в бетон. Откинув барабаны обеих «анаконд», я острием ножниц нацарапал крестик против одного гнезда. У револьверов системы «Кольт» барабан вращается по часовой стрелке в отличие от «смит-вессонов», у которых барабан вращается против часовой стрелки. Крестиком был отмечен первый патрон, с которого я начинал стрельбу. Я поверну барабан так, чтобы крестик остановился на десяти часах – чтобы он был мне виден. При первом нажатии на спусковой крючок барабан провернется на один шаг, и этот патрон встанет под курок.

Даффи принесла мне ботинки. Они оказались мне впору. В каблуке правого ботинка имелось углубление. Даффи дала мне устройство беспроводной электронной почты, аккуратно вошедшее в углубление.

– Вот почему я обрадовалась, что у тебя большой размер ноги, – объяснила она. – С большим ботинком будет проще.

– Устройство надежное?

– Должно быть, – сказала Даффи. – Новая штукавина, принята на вооружение. Теперь с помощью таких устройств осуществляют связь все федеральные ведомства.

– Отлично, – сказал я.

В моей практике на отказы техники приходилось больше провалов, чем на все остальные причины, вместе взятые.

– Это лучшее, что мы можем предложить, – объяснила Даффи. – Все остальное непременно найдут. Тебя обязательно досконально обыщут. А так, если верить теории, даже если радиоэфир прослушивается, будет слышен лишь короткий писк модема. Скорее всего, его спишут на помехи.

Кроме того, были привезены искусственные пятна крови из нью-йоркского магазина театральных реквизитов. Это были довольно громоздкие штуки. Каждая комплектовалась куском кевлара площадью с квадратный фут, который крепился на груди «жертвы». Пятна крови состояли из мягких резиновых резервуаров с «кровью», радиоприемников и зарядов с батарейками.

– Ребята, надевайте свободные рубашки, – посоветовал Элиот.

Радиопередатчик с отдельными кнопками мне предстояло прилепить скотчем к правому запястью. От него шли провода к батарейкам, которые я должен был положить во внутренний карман. Кнопки были достаточно большими, чтобы их можно было нащупать через плащ, пиджак и рубашку. Я решил, что будет выглядеть очень убедительно, если я при стрельбе буду поддерживать правую руку левой. Мы отрепетировали последовательность. Сначала водитель пикапа. Кнопка, ближайшая к запястью. Я нажму ее указательным пальцем левой руки. Затем пассажир пикапа. Средняя кнопка. Средний палец. Последним пожилой мужчина, изображающий полицейского. Кнопка, ближайшая к локтю, и безымянный палец.

– Потом тебе обязательно нужно будет избавиться от всего этого, – заметил Элиот. – Дома у Бека тебя непременно обыщут. По дороге где-нибудь зайдешь в туалет.

Мы до бесконечности повторяли предстоящий спектакль. К полуночи все выучили свои роли так хорошо, как только это было в человеческих силах. По нашим расчетам, от начала до конца все должно было занять восемь секунд.

– Окончательное решение принимаешь ты, – сказала Даффи. – Если в тот момент, когда «тойота» помчится на тебя, ты почувствуешь что-то неладное, забудь обо всем и пропусти ее. Мы придумаем, как выкрутиться. Но помни, что тебе предстоит сделать три выстрела в людном месте, и я не хочу, чтобы ты зацепил случайного прохожего или велосипедиста. У тебя будет меньше секунды на то, чтобы принять решение.

– Понял, – сказал я, хотя и не представлял себе, как можно будет выпутаться, если дело зайдет так далеко.

Наконец Элиот сделал пару звонков и подтвердил, что охрана колледжа одолжит свою машину, а на служебной стоянке торгового центра будет стоять подержанный «ниссан максима». «Максима» был конфискован у одного мелкого торговца марихуаной из штата Нью-Йорк. Там были еще очень строгие законы о наркотиках. На «ниссан» прикрутили фальшивые номера штата Массачусетс и положили в него всякие безделушки, какие возят в машинах женщины.

– А теперь спать, – подвела итог Даффи. – Завтра у нас трудный день.

Так завершился день номер десять.

Рано утром дня номер одиннадцать Даффи принесла мне в номер пончики и кофе – мой завтрак. Мы были одни, я и она. Мы в последний раз прошли через все. Даффи показала мне фотографии агента, которую пятьдесят восемь дней назад послали по следу Бека. Это была светловолосая тридцатилетняя женщина по имени Тереза Даниэль, которой удалось устроиться в фирму «Большой базар». Она была миниатюрная, но производила впечатление человека находчивого. Я пристально всмотрелся в фотографии, запоминая изображенное на них лицо, однако у меня перед глазами стояло лицо другой женщины.

– Я исхожу из предположения, что она до сих пор жива, – сказала Даффи. – У меня нет выбора.

Я промолчал.

– Очень постарайся, чтобы тебя взяли на работу, – продолжила она. – Мы проверили твое прошлое, как это может сделать Бек. Картинка получилась довольно расплывчатая. Многих деталей недостает, что меня беспокоит, однако его, думаю, это нисколько не будет волновать.

Я вернул ей фотографии и сказал:

– У меня есть все шансы на победу. Иллюзия будет сама подпитывать себя. Бек лишится людей, при этом он будет считать, что его семья находится под ударом. Но излишнюю настойчивость я проявлять не буду. Больше того, я собираюсь немного поупрямиться. По моему, любая другая моя реакция будет выглядеть фальшивой.

– Хорошо, – сказала Даффи. – Перед тобой стоят семь задач, из которых первая, вторая и третья таковы: будь очень осторожен. Можно предположить, что мы имеем дело с чрезвычайно опасными людьми.

– Не просто предположить, – заметил я. – Если в этом замешан Куин, это можно гарантировать.

– Так что веди себя соответственно, – сказала Даффи. – Принимайся за дело серьезно с самого начала.

– Да, – согласился я.

Неожиданно я поймал себя на том, что правой рукой растираю левое плечо, и остановился в удивлении. Военный психиатр как-то сказал мне, что этот произвольный жест свидетельствует об уязвимости. Он является защитным, связан с попыткой спрятаться, укрыться. Это первый шаг к тому, чтобы свернуться клубком на полу. Судя по всему, Даффи читала те же самые книги, потому что, заметив мой жест, она пристально посмотрела на меня.

– Ты боишься этого Куина? – спросила она.

– Я никого не боюсь, – заверил ее я. – Но мне определенно было легче на душе, когда он был мертв.

– Еще не поздно остановиться.

Я покачал головой.

– Поверь, я не стану упускать возможность его найти.

– Что случилось во время его задержания?

Я снова покачал головой.

– Не хочу об этом говорить.

Она не стала настаивать. Просто отвернулась, выждала немного, снова повернулась ко мне и продолжила последний прогон перед спектаклем. Тихий голос, четкая дикция.

– Задача номер четыре – найти моего агента, – сказала Даффи. – И вернуть ее.

Я кивнул.

– В-пятых, достань мне солидные доказательства, чтобы можно было пригвоздить этого Бека.

– Хорошо.

Она снова умолкла.

– В-шестых, найди Куина и сделай с ним то, что считаешь нужным. И наконец, в-седьмых, выбирайся оттуда поскорее ко всем чертям.

Я молча кивнул.

– Следить за тобой мы не будем, – продолжала Даффи. – Малыш может нас засечь. К тому времени у него начнется мания преследования. И мы не будем ставить в «ниссан» пеленгатор, потому что его, скорее всего, найдут. Как только определишь свое местонахождение, сообщи нам по электронной почте.

– Хорошо, – подтвердил я.

– Слабые места? – спросила она.

Сделав над собой усилие, я перестал думать о Куине.

– Я вижу три. Два незначительных и одно серьезное. Начнем с мелочей. Во-первых, я собираюсь выбить выстрелом заднее окно фургона, после чего у мальчишки будет около десяти минут на то, чтобы сообразить, что в салоне нет битого стекла и нет соответствующего отверстия в лобовом стекле.

– Тогда не надо этого делать.

– Думаю, лучше все же сделать. Нам нужно поддерживать панику на высоком уровне.

– Хорошо, мы положим в салон коробки. Коробки и так должны там быть, ты ведь что-то развозишь. Они частично скроют заднюю дверь. А в остальном придется надеяться, что мальчишка за десять минут не успеет понять, что к чему.

Я кивнул.

– Вторая мелочь. Старик Бек обязательно свяжется со здешней полицией. Не знаю когда, не знаю как. Возможно, и с прессой. Он будет искать любую информацию, которая может оказаться полезной.

– Мы напишем полиции сценарий, как ей себя вести. Подкинем что-нибудь газетчикам. Они нам помогут. А что за серьезная неприятность?

– Телохранители, – сказал я. – Как долго вы собираетесь их держать? Их нельзя допустить до телефона, так как они сразу же позвонят Беку. Значит, официально арестовать их не получится. Нельзя натравить на них систему. Значит, вам придется держать их без общения с внешним миром, совершенно противозаконно. Как долго вы сможете продержаться?

Даффи пожала плечами.

– Четыре-пять дней максимум. Защищать тебя дольше мы не сможем. Так что ты должен будешь поторопиться.

– Я не собираюсь прохлаждаться. Надолго хватит аккумуляторов в моем передатчике?

– Дней на пять. К тому времени ты уже должен будешь быть на свободе. Зарядное устройство мы тебе дать не можем. Это выглядело бы слишком подозрительно. Но если раздобудешь где-нибудь зарядное устройство для сотового телефона, можешь им воспользоваться.

– Хорошо.

Даффи молча посмотрела на меня. Говорить больше было не о чем. Затем она нагнулась и поцеловала меня в щеку. Это произошло совершенно неожиданно. У нее были нежные губы. Они оставили на моей щеке налет сахарной пудры от пончиков.

– Удачи, – сказала Даффи. – Надеюсь, мы ничего не упустили.

Но мы упустили многое. В наших расчетах зияли огромные дыры, и сейчас я видел их с ужасом, очень отчетливо.

Глава 03

Дьюк, телохранитель, вошел ко мне в комнату без пяти минут семь, что для ужина было слишком рано. Я услышал его шаги по коридору и тихий щелчок замка. Я сидел на кровати. Устройство электронной почты вернулось в ботинок, а ботинок вернулся на ногу.

– Выспался, осел? – спросил Дьюк.

– Почему меня заперли? – ответил я вопросом на вопрос.

– Потому что ты пришел фараона.

Я отвел взгляд. Возможно, Дьюк сам служил в полиции, перед тем как стать охранником. Очень даже возможно. Многие бывшие полицейские уходят работать в охранные конторы консультантами и частными сыщиками. Определенно у Дьюка был на меня зуб, что могло доставить много хлопот. Однако это означало, что он без вопросов купился на рассказ Ричарда Бека, а это уже был плюс. Дьюк молча оглядел меня с ног до головы, но его лицо осталось непроницаемым. Затем он знаком приказал мне выйти из комнаты и провел вниз по лестнице на первый этаж, а затем темными коридорами к северному фасаду особняка. Я почувствовал запах соленого морского воздуха и сырых ковров. Ковры были повсюду. Кое-где они застилали пол в два слоя. Остановившись перед дверью, Дьюк толкнул ее и отступил в сторону, пропуская меня в комнату. Она оказалась просторной, квадратной, обшитой темным дубом. Повсюду на полу ковры. Маленькие окна в глубоких нишах. За ними темнота, скалы и серый океан. В глубине комнаты стоял длинный дубовый стол. На нем лежали мои две «анаконды», разряженные. С откинутыми барабанами. Во главе стола сидел мужчина. В массивном дубовом кресле с высокой спинкой. Это был человек с фотографий, сделанных Сьюзен Даффи.

Во плоти он выглядел неприметно. Не высокий, но и не маленький. Футов шесть роста, вес около двухсот фунтов. Седые волосы, не густые и не редкие, не короткие и не длинные. Ему было лет пятьдесят. На нем был серый костюм, сшитый из дорогой ткани без каких-либо намеков на стиль. Рубашка была белой, а галстук совсем не имел цвета, как бензин. Руки и лицо у него были бледные, как будто его естественной средой обитания являлись подземные автостоянки, где он по ночам разглядывал что-то в багажнике своего «кадиллака».

– Садитесь, – сказал мужчина.

Его тихий голос прозвучал натянуто, словно донесся откуда-то из трахеи. Я сел на другом конце стола.

– Я Захария Бек, – представился мужчина.

– Джек Ричер, – сказал я.

Осторожно прикрыв дверь изнутри, Дьюк прижался к ней своей тушей. В комнате воцарилась тишина. Я мог разобрать шум океана. Не ритмичный гул волн, который слышишь на пляже. Это был непрекращающийся неравномерный грохот прибора о скалы. В промежутках между взрывами разбивающихся волн слышался шелест гальки. Я начал считать волны. Говорят, особенно сильной бывает каждая седьмая.

– Итак, – сказал Бек.

На столе перед ним стояла рюмка. Приземистая, из толстого стекла, с какой-то жидкостью янтарного цвета. Тягучей, словно виски или бурбон. Захария Бек кивнул Дьюку. Тот взял вторую рюмку. Рюмка ждала меня на столике у стены. В ней была та же самая тягучая янтарная жидкость. Дьюк неуклюже взял ее за основание большим и указательным пальцами. Пересек комнату и, наклонившись, осторожно поставил рюмку передо мной. Я улыбнулся. Я знал, для чего это.

– Итак, – повторил Бек.

Я ждал.

– Мой сын рассказал о ваших неприятностях, – сказал он.

Это была дословно та самая фраза, которую произнесла его жена.

– Закон неумышленных последствий, – заметил я.

– Я поставлен в трудное положение, – продолжал Бек. – Я простой бизнесмен и пытаюсь определить, чем я вам обязан.

Я ждал.

– Естественно, мы вам благодарны, – поспешил заверить меня он. – Пожалуйста, не поймите меня превратно.

– Но?

– У вас возникли определенные нелады с законом, – раздраженно произнес Бек, словно он стал жертвой неподвластных ему обстоятельств.

– Речь идет не о космических технологиях, – заметил я. – Мне нужно, чтобы вы закрыли глаза на это. По крайней мере на время. Добро за добро. Если, конечно, ваша совесть сможет это вытерпеть.

В комнате снова воцарилась полная тишина. Я слушал океан. Я мог различить весь спектр звуков. Я слышал даже шелест жестких водорослей по граниту и шорох гальки, откапываемой вместе с отступающим прибоем на восток. Взгляд Захарии Бека метался по всему помещению. Он смотрел на стол, затем на пол, потом в пустоту. У него было узкое лицо. Почти никакого подбородка. Близко посаженные глаза. Сосредоточенно наморщенный лоб. Тонкие поджатые губы. Голова Бека чуть двигалась. В целом картина напоминала правдоподобный образчик обычного бизнесмена, ломающего голову над сложной проблемой.

– Это была ошибка? – наконец спросил Бек.

– Полицейский? – уточнил я. – Разумеется. Но тогда я просто старался довести дело до конца.

Он провел еще какое-то время в раздумье, затем кивнул.

– Хорошо. В данных обстоятельствах мы, возможно, согласимся помочь вам выпутаться из этой передрыги. Вы оказали нашему семейству большую услугу.

– Мне нужны деньги, – сказал я.

– Зачем?

– Мне придется путешествовать.

– Когда?

– Прямо сейчас.

– Разумно ли это?

Я покачал головой.

– Не очень. Я бы предпочел переждать здесь пару дней, пока не уляжется паника. Но мне бы не хотелось злоупотреблять вашим хорошим отношением.

– Сколько денег?

– Думаю, хватит пяти тысяч долларов.

Бек ничего не ответил. Снова начал игру глазами. На этот раз в его взгляде было больше сосредоточенности.

– У меня есть к вам несколько вопросов, – наконец заговорил он. – Мне хотелось бы узнать ответы на них до того, как вы нас покинете. Если вы вообще нас покинете. Два момента первостепенной важности. Во-первых, кто это был?

– А вы не знаете?

– У меня много соперников и врагов.

– Которые готовы зайти настолько далеко?

– Я занимаюсь импортом ковров, – сказал Бек. – Я не собирался превращать это занятие в дело всей жизни, но так распорядилась судьба. Вероятно, вы считаете, что я имею дело только с магазинами и художественными салонами, но в действительности мне приходится

общаться со всевозможными неприятными типами в различных зарубежных подпольных мастерских, где поработанные дети вынуждены трудиться по восемнадцать часов в день, стирая в кровь пальцы. Хозяева этих малолетних рабов убеждены, что я граблю их страны и насилую их культуру, и, сказать по правде, возможно, в этом они правы, хотя я виновен в таком положении дел ничуть не меньше их самих. Эти люди не сахар. Для того чтобы мой бизнес процветал, мне необходимо проявлять в отношении их определенную твердость. И, надо признаться, так же поступают мои конкуренты. В нашем бизнесе царят очень жесткие порядки. Так что я могу назвать полдюжины разных людей, начиная от моих поставщиков до конкурентов, которые пошли бы на похищение моего сына, чтобы добраться до меня. В конце концов, один из них уже проделал это пять лет назад, о чем, насколько я понимаю, мой сын вам рассказал.

Я молчал.

– Мне нужно знать, кто это, – твердо произнес Бек.

Выждав мгновение, я рассказал ему все, секунда за секундой, миля за милей. Я точно, в мельчайших подробностях описал двух высоких светловолосых помощников Даффи из «тойоты».

– Мне эти люди ничего не говорят, – заметил Бек.

Я промолчал.

– Вы запомнили номер «тойоты»? – спросил он.

Подумав, я сказал ему правду:

– Я видел пикап только спереди. Номера не было.

– Так значит, машина была из штата, в котором передний номер не требуется. Что ж, полагаю, это несколько сужает круг поисков.

Я ничего не сказал. Помолчав, Бек тряхнул головой.

– Информация очень скудная. Мой помощник связался с местным полицейским управлением окольными путями. Один полицейский убит, один охранник колледжа убит, двое неопознанных мужчин в лимузине «линкольн» убиты, двое неопознанных мужчин в пикапе «тойота» убиты. Единственным оставшимся в живых свидетелем случившегося является второй охранник, но он до сих пор не пришел в себя после автокатастрофы, происшедшей в пяти милях от колледжа. Пока что никто не знает, что произошло. Никто не знает, почему это произошло. Известно только то, что имела место кровавая бойня, причем без каких-либо видимых причин. Полиция полагает, речь идет о гангстерских разборках.

– Что будет после того, как проверят номера «линкольна»? – спросил я.

Бек замялся.

– Машина зарегистрирована на компанию. Напрямую сюда она не выведет.

Я кивнул.

– Хорошо. И все же к тому времени, как второй охранник очнется, я хочу убраться на Западное побережье. Он наверняка успел хорошенько меня разглядеть.

– А я хочу узнать, кто за этим стоит.

Я взглянул на лежащие на столе «анаконды». Револьверы были вычищены и слегка смазаны. Внезапно я очень обрадовался тому, что выбросил стреляные гильзы. Я взял рюмку. Стиснул ее всеми пятью пальцами и понюхал содержимое. Я понятия не имел, что это может быть. Сейчас я предпочел бы чашку кофе. Я поставил рюмку на стол.

– С Ричардом все в порядке? – спросил я.

– Жить будет, – уклончиво ответил Бек. – Я хочу знать, кто именно нанес удар.

– Я рассказал вам все, что видел, – сказал я. – Документы мне никто не предъявлял. Этих ребят я видел первый раз в жизни. Сам я там оказался совершенно случайно. Какой ваш второй первостепенный вопрос?

Последовала долгая пауза. За окнами шумел и грохотал прибой.

– Я человек очень осторожный, – наконец сказал Бек. – И мне бы не хотелось вас обижать.

– Но?

– Но мне очень интересно, кто вы такой на самом деле.

– Я тот, кто спас вашему мальчишке второе ухо, – сказал я.

Бек взглянул на Дьюка. Тот шагнул вперед и ловко подхватил мою рюмку. Взяв ее тем же самым неуклюжим движением, зажимая большим и указательным пальцами за основание.

– А теперь у вас есть и мои пальчики, – заметил я. – Все чисто и аккуратно.

Бек снова кивнул, словно человек, принимающий ответственное решение. Он указал на лежащие на столе револьверы.

– Хорошее оружие.

Я ничего не ответил. Протянув руку, Бек уперся в одну «анаконду» костяшками пальцев. Резко толкнул ее мне. Тяжелая сталь издала глухой звук, скользя по дубовой поверхности.

– Ты не хочешь рассказать мне, почему одно из гнезд отмечено нацарапанным крестиком?

Я вслушался в шум океана.

– Понятия не имею, – сказал я. – Мне они достались уже такими.

– Ты купил их подержанными?

– В Аризоне.

– В оружейном магазине?

– Не совсем.

– Почему?

– Не люблю, когда копаются в моем прошлом, – объяснил я.

– Ты не поинтересовался насчет царапин?

– Я решил, это какие-то отметки, – сказал я. – Возможно, какой-нибудь умник протестировал револьверы и отметил самое точное гнездо. Или самое неточное.

– А что, гнезда барабана как-то различаются?

– Все различается, – заверил его я. – Таковы особенности производства.

– Даже когда речь идет о револьверах стоимостью восемьсот долларов?

– Все зависит от того, насколько вы придирчивы. Если дойти до сотысячных долей дюйма, в мире не найдется двух совершенно одинаковых вещей.

– Это так важно?

– Только не для меня, – сказал я. – Когда я направляю на кого-то оружие, меня не интересует, в какую именно клеточку организма я попаду.

Какое-то время Бек молчал. Затем сунул руку в карман и достал патрон. Сверкающая латунная гильза, матовая свинцовая пуля. Бек поставил патрон вертикально на стол, словно маленький артиллерийский снаряд. Затем повалил его и покатал пальцем. Потом аккуратно положил и щелчком толкнул ко мне. Патрон описал широкую изящную дугу, гулко гремя по дереву. Это был патрон 44-го калибра «ремингтон магнум». Пуля без оболочки, тяжелая, больше трехсот гран. Страшная штукавина. Вероятно, патрон стоил почти доллар. Вынутый из кармана, он хранил тепло тела Бека.

– Тебе когда-нибудь приходилось играть в русскую рулетку? – спросил Захария Бек.

– Мне нужно избавиться от угнанной машины, – сказал я.

– От нее уже избавились.

– Как?

– Она там, где ее не найдут.

Он умолк. Я ничего не ответил. Просто смотрел на него, словно размышляя: так ли ведет себя обычный бизнесмен? И почему лимузин зарегистрирован на компанию? Откуда ему известна цена кольца «анаконда»? Зачем он снял отпечатки пальцев своего гостя?

– Тебе приходилось когда-нибудь играть в русскую рулетку? – повторил Бек.

– Нет, – сказал я. – Никогда не приходилось.

– Мне нанесли удар, – продолжал он. – И я только что потерял двоих человек. А сейчас мне нужно людей приобретать, а не терять.

Я выждал пять секунд, десять, делая вид, будто пытаюсь понять, к чему он клонит.

– Вы предлагаете мне наняться к вам? – наконец спросил я. – Не знаю, смогу ли я задержаться в ваших краях.

– Я ничего не прошу, – сказал Бек. – Я хочу принять решение. Ты мне кажешься человеком полезным. Эти пять тысяч долларов ты мог бы получить за то, что останешься.

Я молчал.

– Эй, если я тебя захочу, я тебя получу, – сказал Бек. – На тебе висит убитый полицейский в Массачусетсе, у меня есть твое имя и твои пальчики.

– Но?

– Но я не знаю, кто ты такой.

– Привыкайте к этому, – сказал я. – Как вообще можно узнать, кто есть кто?

– Я это узнаю, – сказал он. – Я проверяю людей. Предположим, я попрошу тебя убить еще одного фараона. Доказать свою преданность.

– Я откажусь. Повторяю, первый стал результатом роковой случайности, о чем я очень сожалею. И я начну гадать, такой ли уж вы обычный бизнесмен, каким пытаетесь себя представить.

– Тебя не должен волновать мой бизнес.

Я промолчал.

– Сыграй в русскую рулетку, – предложил Бек.

– И что это докажет?

– Федеральный агент на это не пойдет.

– Почему вы так беспокоитесь насчет федеральных агентов?

– Это тоже не должно тебя заботить.

– Я не федеральный агент, – сказал я.

– Так докажи это. Сыграй со мной в русскую рулетку. Я уже и так, образно говоря, играю с тобой в русскую рулетку, поскольку впустил тебя в свой дом, не зная, кто ты такой.

– Я спас вашего сына.

– И я очень признателен за это. Настолько признателен, что до сих пор разговариваю с тобой вежливо. Настолько признателен, что, возможно, предложу тебе убежище и работу. Потому что мне нравятся люди, доводящие дело до конца.

– Я не ищу работу, – сказал я. – Я хочу только укрыться где-нибудь на пару дней, а затем двинуться дальше в путь.

– Мы о тебе позаботимся. Тебя никто не найдет. Здесь ты будешь в полной безопасности. Если пройдешь испытание.

– Вы имеете в виду русскую рулетку?

– Безотказное испытание. Насколько я могу судить.

Я промолчал. В комнате воцарилась тишина. Захария Бек подался вперед.

– Ты либо со мной, либо против меня, – сказал он. – И сейчас ты покажешь, кто ты на самом деле. Искренне надеюсь, ты сделаешь мудрый выбор.

Дьюк отошел к двери. Под его ногами скрипнула половица. Я прислушался к шуму океана. Брызги взлетали вверх, ветер набрасывался на них словно сумасшедший, и тяжелые капли пены, ленивыми дугами изгибаясь в воздухе, барабанили в оконное стекло. Гулко

обрушилась на скалы седьмая волна, более мощная, чем предыдущие. Я взял лежавшую передо мной «анаконду». Достав из-под мышки пистолет, Дьюк направил его на меня на тот случай, если я был настроен на что-то отличное от рулетки. У него был «Штейр СПП», по сути дела пистолет-пулемет «Штейр ТМП», укороченный до пистолета. Эта редкая штучка из Австрии даже в его лапе казалась огромной и отвратительной. Оторвав от нее взгляд, я сосредоточил внимание на кольце. Воткнув патрон большим пальцем в гнездо барабана, я закрыл барабан и крутанул его. В тишине отчетливо прозвучало мягкое ворчание храповика.

– Играй, – предложил Бек.

Крутанув барабан еще раз, я поднял револьвер и приставил дуло к виску. Сталь была холодной. Глядя Беку прямо в глаза, я затаил дыхание и надавил на спусковой крючок. Барабан повернулся, курок взвелся. Движение было мягким, словно шелк скользил по шелку. Я нажал на спусковой крючок до конца. Курок упал. Послышался громкий щелчок. Я почувствовал удар курка через сталь ствола до самого виска. И больше ничего. Выдохнув, я опустил револьвер и, не разжимая пальцы, положил руку на стол. Затем перевернул руку и вытащил указательный палец из спусковой скобы.

– Ваша очередь, – сказал я.

– Я просто хотел взглянуть, как у тебя получится, – сказал Бек.

Я улыбнулся и предложил:

– Хотите посмотреть еще раз?

Бек промолчал. Взяв револьвер, я снова крутанул барабан и дал ему остановиться. Приставил дуло к виску. Ствол был такой длинный, что мне пришлось максимально отставить локоть. Я нажал на спусковой крючок быстро и решительно. В тишине отчетливо прозвучал громкий щелчок. Звук точного механизма стоимостью восемьсот долларов, работающего так, как ему положено. Опустив револьвер, я крутанул барабан в третий раз. Поднял револьвер. Нажал на спусковой крючок. Ничего. Я проделал то же самое в четвертый раз, быстро. Ничего. В пятый раз, еще быстрее. Ничего.

– Хватит, – сказал Бек.

– Расскажите мне о восточных коврах, – сказал я.

– Рассказывать особенно нечего. Их стелют на пол. Люди их покупают. Иногда за очень большие деньги.

Я улыбнулся. Снова поднял револьвер.

– Ставки шесть к одному, – заметил я.

Я крутанул барабан в шестой раз. В комнате стало абсолютно тихо. Я приставил дуло к виску. Нажал на спусковой крючок. Услышал шлепок курка, ударившего по пустому гнезду. И больше ничего.

– Достаточно, – сказал Бек.

Опустив кольцо, я откинул барабан и вытряс патрон на стол. Аккуратно выровнял его и катнул обратно Беку. Латунь прогремела по дереву. Остановив патрон основанием ладони, Бек молча сидел минуты две-три и глядел на меня так, словно я был хищным зверем в зоопарке. Словно он жалел о том, что нас не разделяет решетка.

– Ричард сказал, ты служил в военной полиции, – наконец сказал он.

– Тринадцать лет, – подтвердил я.

– И у тебя хорошо получалось?

– Лучше, чем у тех громил, которых вы прислали за ним.

– Мальчишка отзывается о тебе очень хорошо.

– А как же иначе, – сказал я. – Как-никак, я его спас. При этом сам вляпался по уши.

– Тебя нигде не хватятся?

– Нигде.

– А родные?

– У меня никого нет.

– На работе?

– Теперь я не могу на нее вернуться.

Какое-то время Бек играл с патроном, катая его по столу указательным пальцем. Затем положил его на ладонь.

– Кому я могу позвонить? – спросил он.

– Зачем?

– Чтобы получить рекомендации с места работы, – объяснил Бек. – У тебя ведь был хозяин?

Ошибки, которые настигают тебя.

– Я сам себе хозяин, – сказал я.

Бек положил патрон на стол.

– Лицензированный и зарегистрированный в налоговой полиции? – уточнил он.

Я помедлил мгновение.

– Не совсем.

– Почему?

– Были причины.

– Документы на фургон есть?

– Куда-то подевались.

Бек снова покатал патрон по столу, не отрывая от меня взгляда. Я буквально видел его мыслительный процесс. Он лихорадочно думал. Обрабатывал информацию. Пытался сопоставить ее с тем суждением, которое уже составил обо мне. Я читал его мысли. «Крутой парень, бывший военный, на старом фургоне, который ему не принадлежит. Угнал машину. Убил полицейского». Захария Бек улыбнулся.

– Подержанные компакт-диски, – сказал он. – Я видел тот магазинчик.

Я промолчал. Спокойно выдержал его взгляд.

– Дай предположить. Ты распространял краденые компакт-диски.

«Рыбак рыбака...» Я покачал головой.

– Пиратские копии. Я не вор. Я бывший военный, пытаюсь заработать на жизнь. И я верю в свободу самовыражения.

– Черта с два, – буркнул Бек. – Ты думаешь только о том, чтобы урвать лишний доллар.

Родственная душа.

– Об этом тоже, – согласился я.

– И как у тебя получалось?

– Достаточно неплохо.

Бек сгреб патрон и швырнул его Дьюку. Тот поймал его одной рукой и бросил в карман пиджака.

– Дьюк у меня возглавляет службу безопасности, – сказал Бек. – Ты будешь работать на него начиная с этой минуты.

Я взглянул на Дьюка, затем на его босса.

– А если я не хочу на него работать?

– У тебя нет выбора. За тобой числится убитый полицейский в Массачусетсе, а у нас есть твоё имя и пальчики. Тебе назначается испытательный срок до тех пор, пока мы не поймем, что ты за человек. Но ты взгляни на это со светлой стороны. Думай о пяти тысячах долларов. Это ведь уйма пиратских компакт-дисков.

Разница между почетным гостем и сотрудником, принятым на испытательный срок, заключалась в том, что ужинал я на кухне с другой прислужкой. Верзила из домика привратника на ужине не показывался, но зато были Дьюк и другой тип, которого я определил в

механики на все руки или в подручные. Кроме того, на ужине были горничная и кухарка. Мы впятером сидели вокруг простого стола и ели те же блюда, что и хозяева в гостиной. А может быть, и лучше, потому что кухарка, возможно, плюнула им в кастрюлю, а вот нам она вряд ли бы плюнула. Я много времени провел среди рядовых и сержантов и знал, что к чему.

Разговор за ужином не клеился. Кухарка была угрюмой женщиной лет под шестьдесят. Горничная держалась робко. Мне показалось, она здесь относительно недавно и еще не знает, как себя вести. Она была молодая и некрасивая. На ней были надеты хлопчатобумажная сорочка и шерстяной свитер. На ногах громыхающие ботинки на толстой подошве. Механик был средних лет, худой, седой, молчаливый. Дьюк тоже молчал, потому что думал. Бек озадачил его проблемой, и он не знал, как к ней подступиться. Можно ли меня как-то использовать? Можно ли мне верить? Дьюк был неглуп. Это было очевидно. Он видел все тонкие места и был готов потратить какое-то время на то, чтобы их внимательно исследовать. Дьюк был мой ровесник. Быть может, чуть моложе, быть может, чуть старше. У него было грубое, некрасивое лицо, скрывающее возраст. Мы с ним были примерно одной комплекции. Возможно, у меня кость чуть пошире, возможно, он чуть более громоздкий. Вес наш различался не больше чем на фунт-два. Я сидел рядом с Дьюком, молча ел и пытался точно рассчитать время, когда нормальный человек должен был бы задать вопрос.

– Ну, расскажи мне про восточные ковры, – наконец сказал я, своим тоном показывая, что я уже догадался о том, что Бек занимается чем-то совсем другим.

– Не сейчас, – ответил Дьюк тоном, ясно подразумевающим: «Не перед прислугой».

Затем он посмотрел на меня так, словно хотел сказать: «В любом случае мне не хочется обсуждать это с сумасшедшим, рискнувшим шесть раз подряд сыграть с судьбой в русскую рулетку».

– Патрон ведь был муляжом, так? – спросил я.

– Что?

– В нем не было пороха, – уточнил я. – Наверное, набит ватой.

– Почему он должен был быть муляжом?

– Я мог бы выстрелить в Бека.

– А у тебя были такие мысли?

– Нет, но он человек осторожный. Он не стал бы рисковать.

– Я держал тебя под прицелом.

– Я мог бы сначала прикончить тебя. А затем воспользоваться твоей пушкой.

Дьюк напрягся, но ничего не сказал. Он чувствовал во мне конкурента. Дьюк мне не нравился. По моим оценкам, ему в самом ближайшем времени предстояло пополнить списки потерь.

– Держи, – сказал Дьюк.

Достав из кармана патрон, он протянул его мне.

– Жди здесь.

Встав из-за стола, он вышел с кухни. Я поставил патрон перед собой, как это делал Бек. Доел ужин. Десерта не было. Кофе тоже. Вернулся Дьюк, покручивая на указательном пальце одну из моих «анаконд». Пройдя мимо меня к двери черного входа, он кивком предложил мне присоединиться. Взяв патрон, я зажал его в кулаке. Вышел следом за Дьюком. Когда мы проходили в дверь, она пискнула. Еще один металлодетектор, аккуратно встроенный в косяк. Но охранной сигнализации не было. Безопасность определялась морем, стеной и колючей проволокой.

За дверью оказалось холодное, сырое крыльцо, а за ним калитка, ведущая во дворик, представлявший собой лишь кончик скалистого «пальца». Шириной ярдов сто, он раскинулся полукругом перед нами. Дворик был темным, и лишь отсвет из окон особняка выхватывал серый гранит. Ветер усилился, и в море белели барашки. Грохотал прибой. Сквозь

низкие, быстро несущиеся тучи проглядывала луна. Бесконечный горизонт был черным. Похолодало. Обернувшись, я различил наверху окно своей комнаты.

– Патрон, – приказал Дьюк.

Повернувшись, я отдал ему патрон.

– Смотри.

Он вставил патрон в кольт. Дернул рукой, закрывая барабан. Прищурился, глядя на серый лунный свет, и повернул барабан так, чтобы гнездо с патроном оказалось на десяти часах.

– Смотри, – повторил Дьюк.

Выпрямив руку, он навел револьвер чуть ниже горизонта на плоские гранитные глыбы, спускающиеся к морю. Нажал на спусковой крючок. Барабан повернулся, курок упал. Сверкнула вспышка, раздался грохот. Револьвер дернулся.

Среди каменных глыб блеснула искра, и тотчас же донесся безошибочный металлический лязг рикошета, растворившийся в тишине. Пуля, наверное, отлетела ярдов на сто в Атлантику. Быть может, убила рыбу.

– Это был не муляж, – сказал Дьюк. – Я действую достаточно быстро.

– Ладно, – сказал я.

Открыв барабан, он вытряс стреляную гильзу. Она со звоном упала на камни ему под ноги.

– Ты осел, – сказал Дьюк. – Осел, убивший полицейского.

– Ты служил в полиции?

Он кивнул.

– Было время.

– Дьюк – это твое имя или фамилия?

– Фамилия.

– Зачем торговцу коврами нужна вооруженная охрана?

– Как тебе уже объяснили, это очень жесткий бизнес. В нем крутится много денег.

– Ты действительно хочешь, чтобы я здесь остался?

Дьюк пожал плечами.

– Возможно. Если станет по-настоящему туго, нам понадобится пушечное мясо. Пусть лучше это будешь ты, чем я.

– Я спас мальчишку.

– И что с того? Уйми свою прыть. Мы все в свое время вытаскивали мальчишку из беды. Как и миссис Бек, и самого мистера Бека.

– Сколько у вас человек?

– Недостаточно, – буркнул Дьюк. – Если на нас действительно напали.

– Это что, война?

Он ничего не ответил. Просто молча прошел мимо меня в дом. Повернувшись спиной к беспокойному океану, я последовал за ним.

На кухне делать было нечего. Механик исчез, а кухарка и горничная убирали стол. Они укладывали посуду в большую посудомоечную машину, которая пришлась бы к месту в крупном ресторане. Горничная была как на иголках. Она не понимала, что происходит. Я оглянулся, ища кофе. Его по-прежнему не было. Дьюк снова сел за стол. Никаких неотложных дел у него не было. А я чувствовал, как утекает время. Я не слишком доверял оптимистичному обещанию Сьюзен Даффи насчет пяти дней спокойствия. Пять дней – это очень большой срок, когда приходится держать взаперти двух здоровых мужчин, причем в обход закона. Мне было бы приятнее, если бы Даффи сказала про три дня. В этом случае ее реализм произвел бы на меня большее впечатление.

– Отправляйся спать, – распорядился Дьюк. – Тебе надо будет приступить к службе в половине седьмого утра.

– Что я должен буду делать?

– То, что я тебе скажу.

– Дверь моей комнаты будет заперта?

– Можешь не сомневаться, – заверил меня Дьюк. – Я отопру ее в шесть пятнадцать. В шесть тридцать ты уже должен быть здесь.

Я лежал на кровати до тех пор, пока не услышал, как Дьюк поднялся следом за мной и запер дверь. Затем я подождал еще, убеждаясь, что он больше не вернется. После этого я снял ботинок и проверил, нет ли мне сообщений. Крохотный зеленый экранчик ожил радостным уведомлением: «Для вас почта!» Сообщение было только одно. От Сьюзен Даффи. Оно состояло из единственного слова-вопроса: «Местонахождение?» Нажав клавишу ответа, я набрал: «Эббот, штат Мэн, 20 миль к югу от Портленда, одинокий особняк на длинном каменистом мысу». Этого будет достаточно. Все равно почтового адреса и точных географических координат у меня нет. Если Даффи немного повозится с крупномасштабной картой этих мест, она найдет то, что нужно. Я нажал клавишу «Отправить».

Затем я уставился на крошечный экран. Я не знал, как именно работает электронная почта. Соединение устанавливается мгновенно, как при телефонном звонке? Или моему ответу придется ждать в каком-нибудь отстойнике, прежде чем он попадет к Даффи? Я предположил, она ждет от меня вестей. Наверное, они с Элиотом дежурят круглосуточно, сменяя друг друга.

Через девяносто секунд на экране снова заморгало уведомление: «Для вас почта!» Я улыбнулся. Возможно, у нас получится. На этот раз сообщение Даффи было длиннее. Всего двадцать пять слов, и тем не менее мне пришлось листать страницы экрана, чтобы прочитать его полностью. «Спасибо, будем работать с картами. Отпечатки пальцев показывают, что 2 телохранителя, задержанные нами, служили в армии. У нас все в порядке. А ты? Есть прогресс?»

Нажав клавишу ответа, я набрал: «Возможно, нанят». Затем, задумавшись, мысленно представил Куина и Терезу Даниэль и добавил: «Пока больше ничего». Еще немного подумав, написал: «Относительно телохранителей попросите Пауэлла из военной полиции 10–29, 10–30, 10–24, 10–36 лично от меня». После чего нажал клавишу «Отправить». Дождавшись, когда машина доложит: «Ваше сообщение отправлено», я уставился в темноту, гадая, говорит ли по-прежнему поколение Пауэлла на том языке, на котором говорило мое. Сообщение 10–29, 10–30, 10–24, 10–36 было составлено с использованием стандартных радиокодов военной полиции, которые сами по себе ничего не значили. Код 10–29 означал: «Слабый сигнал». Это была стандартная жалоба на неисправное оборудование. Код 10–30 означал: «Прошу помощи, ничего экстренного». Код 10–24 означал: «Подозрительная личность». Код 10–36 означал: «Пожалуйста, передайте дальше мое сообщение». Сообщение, помеченное кодом 10–30, не привлечет ничьего внимания. Его запишут и занесут в архив, после чего о нем забудут. Однако в целом эта цепочка на специальном жаргоне имела другое значение. По крайней мере так было, когда я носил форму. «Слабый сигнал» означало: «Молчи и не поднимай лишнего шума». Вместе с кодом о запросе помощи получалось: «Это должно остаться между нами». Значение кода «Подозрительная личность» не требовало объяснения. Последний код означал: «Держи меня в курсе». Так что если Пауэлл не забыл, что к чему, он поймет мое сообщение так: «Без лишнего шума проверь этих ребят и сообщи мне». И я очень надеялся, что Пауэлл не откажется выполнить эту просьбу. Он был передо мной в долгу. И по-крупному. Он меня продал. На мой взгляд, Пауэлл должен был искать способ заглядеть свою вину.

Я снова посмотрел на крошечный экран: «Для вас почта!» Это была Даффи. «Хорошо, поторопись». Ответив: «Стараюсь», я выключил устройство связи и запихнул его ногтем в каблук. Затем пошел осматривать окно.

Это была стандартная скользящая рама из двух половин. Нижняя, расположенная снаружи, поднималась вверх. Сетки от комаров не было. Внутри краска была положена тонким аккуратным слоем. Снаружи, где рама подвергалась воздействию непогоды и ее приходилось постоянно перекрашивать, слой краски был толстый и неряшливый. Окно запиралось латунным шпингалетом. Никаких современных охранных систем не было. Сдвинув шпингалет, я попытался поднять окно вверх. Рамы разбухли от краски, но двигались. Приоткрыв окно дюймов на пять, я ощутил дуновение холодного морского воздуха. Перегнувшись через подоконник, я осмотрел его, ища датчики системы сигнализации. Их не было. Подняв окно до конца, я внимательно изучил раму. Никаких признаков охранных систем. Но это было понятно. Окно находилось в пятидесяти футах над скалами и океаном. А сам особняк был недоступен благодаря высокой стене и воде.

Высунувшись в окно, я посмотрел вниз. Я нашел то место, где стояли мы с Дьюком, когда он стрелял из револьвера. Минут пять я свешивался в окно, опираясь локтями на подоконник, вдыхая соленый воздух и размышляя насчет того патрона. Я нажал на спусковой крючок шесть раз. Должна была бы получиться кровавая каша. Моя голова лопнула бы, словно переспелый арбуз. Дорогие ковры на полу были бы безнадежно испорчены, дубовая обивка расщеплена. Я зевнул. От размышлений на свежем воздухе меня потянуло в сон. Нырнув обратно в комнату, я опустил раму и лег в кровать.

Я успел встать, принять душ и одеться, когда в пятнадцать минут седьмого послышался щелчок замка, который отпер Дьюк. Начинаясь день номер двенадцать, среда, день рождения Элизабет Бек. Я уже проверил электронную почту. Сообщений для меня не было. Ни одного. Меня это ничуть не встревожило. Я провел десять спокойных минут у окна. Прямо передо мной вставало солнце, океан был безмятежен. Он казался серым, маслянистым и подавленным. Отлив был в самом разгаре. Обнажились скалы. Тут и там блестели лужицы воды. На берегу копошились птицы. Это были черные кайры. Они как раз меняли оперение. Черное вместо серого. У них были ярко-красные ноги. Вдалеке кружили в воздухе бакланы и чайки с черными спинами. Над самой водой носились серебристые чайки, высккивая завтрак.

Дождавшись, когда шаги Дьюка затихнут в коридоре, я спустился вниз, прошел на кухню и столкнулся лицом к лицу с верзилой из домика привратника. Он стоял перед раковиной и пил воду из стакана. Вероятно, запивал ежедневную горсть стероидов. Верзила был просто необъятный. Во мне шесть футов пять дюймов роста, и мне приходится быть осторожным, входя в стандартный дверной проем шириной тридцать дюймов, чтобы не задеть плечами за косяк. Но этот тип был по крайней мере на шесть дюймов выше меня и дюймов на десять шире в плечах. И весил он фунтов на двести больше моего. А может быть, и еще больше. Меня до мозга костей проняла неприятная дрожь, что бывает всегда, когда я сталкиваюсь с великаном, рядом с которым чувствую себя маленьким. Казалось, весь мир чуть сместился.

– Дьюк в тренажерном зале, – сказал верзила.

– А где этот зал?

– Внизу.

У него был высокий пронзительный голос. Должно быть, верзила годами глотал стероиды, как леденцы. У него были пустые матовые глаза и плохая кожа. Ему было лет тридцать с небольшим. Сальные светлые волосы, футболка, сквозь которую проступали бугры мышц,

и спортивные тусы. Его руки были толще моих ног. В целом он производил впечатление карикатуры.

– Мы занимаемся перед завтраком, – пояснил верзила.

– Замечательно, – заметил я. – Ступай в зал.

– И ты тоже.

– Я никогда не занимаюсь.

– Дьюк тебя ждет. Если ты будешь работать у нас, тебе придется заниматься вместе со всеми.

Я взглянул на часы. Двадцать пять минут седьмого. Время неудержимо бежит.

– Как тебя зовут? – спросил я.

Верзила не ответил. Только посмотрел на меня так, словно я пытался заманить его в ловушку. Это еще одна проблема стероидов. В большом количестве они плохо влияют на способность соображать. А у верзилы, похоже, по этой части и отправная точка была недалеко от нуля. Он был жестокий и глупый. Пожалуй, лучше не скажешь. Сочетание ужасное. Это было написано у него на лице. Он мне не понравился. Пока что мне никак не удавалось проникнуться симпатией к своим новым коллегам.

– По-моему, это нетрудный вопрос, – заметил я.

– Поли, – сказал верзила.

Я кивнул.

– Рад познакомиться, Поли. Моя фамилия Ричер.

– Знаю, – буркнул тот. – Ты служил в армии.

– Это тебя чем-то не устраивает?

– Терпеть не могу офицеров.

Я кивнул. Значит, меня проверили. Теперь они знают, какое у меня было звание. То есть у них есть доступ к закрытым системам.

– И почему? – спросил я. – Ты не смог сдать экзамен на офицерское звание?

Поли промолчал.

– Пойдем искать Дьюка, – предложил я.

Поставив стакан, Поли провел меня по коридору через дверь до деревянной лестницы в подвал. Под особняком находился еще целый подземный этаж. Должно быть, его выдолбили в скале. Стены были из камня, местами заплатами и выровненного штукатуркой. Воздух здесь был сырой и затхлый. Под самым потолком в клетках из проволоки болтались голые лампочки. Комнат было много. Одно помещение, выкрашенное белой краской, оказалось достаточно просторным. Пол был застелен белым линолеумом. В помещении стоял сильный запах застарелого пота. Вдоль стены выстроились велотренажер, беговая дорожка и силовой тренажер, а к крюку под потолком были подвешены тяжелая боксерская груша и рядом другая груша поменьше. На полке лежали боксерские перчатки. В стойке стояли грифы от штанг, а на полу рядом со скамейкой возвышались круги. У тренажеров стоял Дьюк. На нем был все тот же темный костюм. Он выглядел очень уставшим, словно ему пришлось провести на ногах всю ночь. Утром он не успел вымыться. Его спутанные волосы выглядели ужасно, костюм был весь помят, особенно пиджак сзади.

Поли сразу же начал выполнять какие-то заумные упражнения. Из-за огромной мускулатуры движения его рук и ног были ограничены. Он не мог достать до плеч пальцами. У него были слишком большие бицепсы. Я посмотрел на силовой тренажер. Всевозможные рычаги, рукоятки, захваты. Мощные черные тросы тянулись через блоки к высокой стопке свинцовых пластин. Для того чтобы сдвинуть все это с места, надо иметь огромную силу.

– Ты занимаешься? – спросил я у Дьюка.

– Не твоё дело, – ответил тот.

– И я тоже нет.

Повернув свою слоновью шею, Поли посмотрел на меня. Затем улегся спиной на скамейку и поерзал так, чтобы плечи оказались под штангой, лежащей на подставке. На штангу с каждой стороны было надето по толстой пачке дисков. Покряхтев, Поли обвил руками гриф и высунул язык, словно готовясь к чему-то очень ответственному. Затем напряг руки и приподнял штангу с подставки. Гриф прогнулся и задрожал. Вес дисков был такой большой, что гриф выгнулся дугой, как в старом кино про советских штангистов на Олимпиаде. Поли снова закричал и выпрямил руки, поднимая штангу до конца. Продержав ее так пару секунд, он расслабил руки, и штанга с грохотом упала на подставку. Поли повернул голову и пристально посмотрел на меня, как будто это должно было произвести на меня впечатление. Он действительно произвел на меня впечатление, но не то, на которое надеялся. Штанга была тяжелая, и у Поли была могучая мускулатура. Но мышцы, накачанные стероидами, лишены своего главного качества. Выглядят они потрясающе, и, если применять их против статической нагрузки, получается замечательно. Но они очень медлительные и тяжелые и утомляют своего обладателя уже тем, что их приходится носить.

– Ты сможешь отжать в положении лежа четыреста фунтов? – спросил Поли.

От напряжения он немного запыхался и не мог отдышаться.

– Никогда не пробовал.

– Хочешь попробовать прямо сейчас?

– Нет, – сказал я.

– Эй ты, тряпка, это тебе поможет накачаться.

– Ты забыл, что я офицер, – сказал я. – Мне не нужно качать мышцы. Если мне понадобится отжать в положении лежа четыреста фунтов, я просто найду какую-нибудь здоровенную глупую гориллу и прикажу ей сделать это вместо меня.

Поли сверкнул глазами. Не обращая на него внимания, я посмотрел на тяжелую грушу. Стандартное оборудование тренажерного зала. Не новая. Я толкнул грушу ладонью, и она мягко закачалась на цепи. Дьюк внимательно следил за мной. Затем он посмотрел на Поли. Я не понял, что означает этот обмен взглядами. В свое время мы широко использовали такие тяжелые груши для отработки навыков рукопашного боя. Чаще всего мы в обычной одежде отрабатывали удары ногами. Однажды много лет назад я распорол грушу каблуком. Из дыры посыпался песок. Наверное, на Поли это произвело бы впечатление. Но я не собирался повторять это сейчас. У меня в ботинке было спрятано устройство электронной почты, и я не хотел его сломать. У меня мелькнула абсурдная мысль сказать Даффи, чтобы в следующий раз она прятала такое устройство в каблук левой ноги. Впрочем, Даффи левша. Возможно, она была уверена, что как раз делает так, как нужно.

– Ты мне не нравишься, – вдруг сказал Поли.

Он смотрел мне в глаза, поэтому я предположил, что он обращается ко мне. У него были крохотные глазки. Кожа блестела. Он был ходячим складом химических препаратов. Экзотические соединения буквально лезли у него из ушей.

– Нам надо побороться руками, – продолжал Поли.

– Что?

– Заняться армрестлингом, – объяснил он.

Поли легко и бесшумно приблизился ко мне. Рядом с ним я ощутил себя карликом. Он практически закрыл свет. От него несло резким запахом пота.

– У меня нет желания заниматься армрестлингом, – сказал я.

Я заметил, что Дьюк следит за мной. Затем я взглянул на руки Поли, сжатые в кулаки. Они были не такими уж огромными. Стероиды не влияют на силу рук; эти мышцы нужно разрабатывать специальными упражнениями, а большинству качков это даже в голову не приходит.

– Козел, – сказал Поли.

Я молчал.

– Козел, – повторил он.

– Что получает победитель? – спросил я.

– Удовлетворение.

– Хорошо.

– Что хорошо?

– Хорошо, давай попробуем.

Похоже, Поли был удивлен, но тем не менее он быстро вернулся к скамейке со штангой. Сняв пиджак, я бросил его на руль велотренажера. Расстегнул манжету на правой руке и закатал рукав до плеча. По сравнению с рукой Поли моя казалась тощей. Однако моя ладонь была даже чуть шире. И пальцы длиннее. Кроме того, тем немногим мышцам, что были у меня, я был обязан наследственности, а не фармацевтической промышленности.

Опустившись на колени друг напротив друга, мы поставили локти на скамью. Лучевые кости Поли были чуть длиннее моих, то есть он должен был выгибать запястье, что было очком в мою пользу. Сложив ладони, мы сплели пальцы. Рука Поли была холодной и влажной. Дьюк занял место у торца скамьи, словно рефери.

– Начали! – сказал он.

Я пошел на обман с самого начала. Суть армрестлинга состоит в том, чтобы усилием локтевого и плечевого суставов развернуть руку вниз, увлекая вместе с этим руку соперника. У меня не было никаких шансов сделать это. Только не в единоборстве с этим верзилкой. Совсем никаких шансов. В лучшем случае мне удалось бы просто удержать свою руку на месте. Поэтому я даже не стал стараться завалить руку Поли. Я просто стиснул его ладонь. Миллион лет эволюции сделал большой палец человека противостоящим остальным четырем пальцам, таким образом дав возможность использовать руку как клещи. Обхватив костяшки пальцев Поли, я безжалостно сжал их. А руки у меня очень сильные. Я сосредоточился на том, чтобы удерживать свою руку в вертикальном положении. Уставился прямо в глаза Поли и стиснул его руку с такой силой, что у него хрустнули пальцы. Потом я нажал сильнее. Еще сильнее. Поли не сдавался. Он был невероятно силен. Он давил на меня. Я обливался потом и учащенно дышал, стараясь изо всех сил не проиграть. Так продолжалось около минуты. Мы молча напрягали руки, чуть дрожавшие от усилий. Затем я нажал сильнее. Дал боли разлиться по руке Поли. Увидел, как она отразилась у него на лице. После этого нажал еще сильнее. Это действует безотказно. Когда противник начинает думать, что боль достигла предела, становится еще хуже. А потом еще и еще, словно затягивается храповик. Все хуже и хуже, как будто впереди ждет целая бесконечная вселенная мучений, нарастающих, нарастающих и нарастающих с неумолимостью машины. Противник теперь может думать только о своих страданиях. И у него в глазах мелькают первые признаки паники. Он понимает, что я действую обманом, но ничего не может с этим поделать. Нельзя же просто беспомощно воскликнуть: «Он делает мне больно! Это нечестно!» В этом случае козлом станет он, а не я. А этого допустить нельзя. Поэтому противник глотает боль, гадая только о том, станет ли еще хуже. А хуже становится. Обязательно. Впереди еще много боли. Не отрывая взгляда от глаз Поли, я стискивал его руку сильнее и сильнее. От пота его ладонь взмокла, поэтому моим пальцам было легко скользить, сжимаясь все туже и туже. Внимание Поли не отвлекалось на зажатую кожу. Вся боль была сосредоточена в костяшках пальцев.

– Достаточно! – крикнул Дьюк. – Ничья.

Я не разжимал руку. Поли не ослабил давления. Его рука была непоколебимой, словно дерево.

– Я сказал, достаточно! – повторил Дьюк. – Болваны, вас ждет работа.

Я приподнял локоть, чтобы Поли не смог застать меня врасплох последним отчаянным рывком. Он отвел взгляд, убирая руку со скамьи. Мы разжали пальцы. Рука Поли была

покрыта отчетливыми белыми и красными пятнами. Подушечка моего большого пальца горела огнем. Поднявшись с колен, Поли выпрямился и быстро вышел из зала. Послышались его грузные шаги по деревянной лестнице.

– Это была большая глупость, – заметил Дьюк. – Ты только что нажил себе еще одного врага.

Я никак не мог отдышаться.

– Что, я должен был проиграть?

– Возможно, так было бы лучше.

– Я так не привык.

– Значит, ты дурак.

– Ты начальник охраны, – сказал я. – Тебе следовало бы приказать Поли перестать играть в детство.

– Это не так-то просто.

– Тогда избавься от него.

– Это тоже не так-то просто.

Я медленно поднялся. Опустил рукав и застегнул манжету. Взглянул на часы. Уже почти семь часов утра. Время неумолимо идет.

– Чем я буду заниматься сегодня? – спросил я.

– Водить грузовик, – сказал Дьюк. – Ты ведь умеешь водить грузовик?

Я кивнул, потому что отпираться было бы глупо. Спасая Ричарда Бека, я был за рулем фургона.

– Мне нужно принять душ, – сказал я. – И переодеться.

– Обратись к горничной, – устало бросил Дьюк. – Я что тебе, черт побери, лакей?

Смерив меня взглядом, он направился к лестнице, оставив меня одного. Встав, я потянулся, сделал несколько глубоких вдохов и выдохов и тряхнул кистью, разминая ее. Затем подхватил пиджак и отправился на поиски Терезы Даниэль. Теоретически она могла содержаться взаперти где-то здесь. Но я ее не нашел. Подземный этаж представлял собой лабиринт помещений, высеченных в скале. Назначение большинства из них было очевидно. Я увидел котельную с гудящим котлом и сплетением труб. Рядом была прачечная с большой стиральной машиной, установленной на высоком деревянном столе, чтобы вода под действием силы тяжести сливалась в трубу, уходящую в стену на уровне колена. Затем шли кладовые. Две комнаты были заперты. Двери очень прочные. Я внимательно прислушался, но не услышал ни звука. Я даже осторожно постучал, но ответа не было.

Поднявшись наверх, я застал в коридоре первого этажа Ричарда Бека и его мать. Ричард вымыл голову и зачесал волосы налево, чтобы скрыть отрезанное ухо. Приблизительно так же поступают мужчины в годах, скрывая лысину на макушке. У него на лице по-прежнему проступала борьба противоречивых чувств. Ему было уютно в безопасном полумраке дома, но я видел, что он ощущает себя словно в ловушке. Казалось, Ричард был рад видеть меня. И не только потому, что я его спас; похоже, для него я был олицетворением внешнего мира.

– С днем рождения, миссис Бек, – сказал я.

Элизабет Бек улыбнулась, польщенная тем, что я не забыл. Сегодня она выглядела лучше, чем вчера. Она была лет на десять старше меня, но если бы мы случайно встретились где-нибудь в баре, клубе или в поезде дальнего следования, я, наверное, обратил бы на нее внимание.

– Какое-то время вы поживете у нас, – сказала миссис Бек.

Затем до нее дошло, почему именно я задержусь у них в гостях. Я прятался, потому что убил полицейского. Смутившись, она отвела взгляд и быстро пошла прочь. Ричард последовал за ней, один раз обернувшись на меня. Я снова отыскал кухню. Поли там не было. Вместо него я застал там Захарию Бека.

– Какое у них было оружие? – без предисловий начал он. – У тех типов из «тойоты»?
– У них были «узи», – сказал я. Подобно всем хорошим обманщикам, надо максимально придерживаться правды. – И граната.

– Какие именно «узи»?

– «Микро», – сказал я. – Самые маленькие.

– Магазины?

– Короткие. На двадцать патронов.

– Ты уверен?

Я кивнул.

– Ты хорошо разбираешься в оружии?

– Эти пистолеты-пулеметы были разработаны лейтенантом израильской армии, – сказал я. – Его звали Узиэль Гал. Он был мастер на все руки. Ковыряться со старыми пистолетами-пулеметами чехословацкого производства модель двадцать три и модель двадцать пять до тех пор, пока не получилось что-то совершенно новое. Это было еще в тысяча девятьсот сорок девятом году. Первый «узи» пошел в серийное производство в тысяча девятьсот пятьдесят третьем году. По лицензии выпускался в Бельгии и Германии. Мне достаточно часто приходилось встречаться с ними.

– И ты абсолютно уверен, что это были модели «микро» с короткими магазинами?

– Абсолютно.

– Хорошо, – сказал Бек таким тоном, словно это имело для него большое значение.

Затем он вышел с кухни. Я остался стоять на месте, размышляя о той срочности, с которой Захария Бек задал свои вопросы, и о мятом костюме Дьюка. Это сочетание меня сильно встревожило.

Отыскав горничную, я сказал ей, что мне нужна одежда. Та ответила, что отправляется в магазин за продуктами, и показала длинный список. Я попытался объяснить, что вовсе не прошу ее купить мне одежду. Пусть принесет мне чью-нибудь. Залившись краской, горничная затрясла головой и ничего не сказала. Затем откуда-то появилась кухарка. Сжалившись надо мной, она приготовила мне яичницу с беконом. И сварила кофе, что пролило луч света на весь предстоящий день. Я съел яичницу, выпил кофе и поднялся в свою комнату. Горничная оставила в коридоре на полу перед дверью аккуратно сложенную одежду. Черные джинсы и черную джинсовую рубашку. Черные носки и белое нижнее белье. Все было свежестыранное и тщательно отутюженное. Я решил, одежда принадлежит Дьюку. Вещи Бека или Ричарда были бы мне малы, а в одежде Поли я выглядел бы так, словно нацепил на себя палатку. Подбрав вещи, я зашел в комнату. Заперся в ванной, снял ботинок и проверил устройство электронной почты. Мне поступило одно сообщение. От Сьюзен Даффи. «Твое местонахождение установлено по карте. Мы устроимся в мотеле на шоссе I-95 в 25 милях к ю-з от тебя. Ответ от Пауэлла кавычки только для твоих глаз, оба УД после 5, 10-2, 10-28, кавычки закрываются. Как успехи?»

Я улыбнулся. Пауэлл не забыл наш жаргон. «Оба УД после 5» означало, что телохранители прослужили в армии пять лет, после чего были уволены досрочно. Пять лет – это слишком большой срок, чтобы увольнение можно было объяснить врожденной непригодностью к службе или недостатками подготовки. Такое проявилось бы значительно раньше. Вылететь из армии, прослужив пять лет, можно, только если ты очень плохой человек. Ну а коды 10-2 и 10-28 не вызывали сомнений. Код 10-28 был стандартным ответом на запрос о качестве радиоприема и означал: «Сигнал сильный и отчетливый». Код 10-2 означал: «Срочно необходима медицинская помощь». Но на жаргоне военной полиции оба кода вместе означали: «Этих ребят необходимо убрать». Пауэлл заглянул в архив, и ему не понравилось то, что он там увидел.

Нажав клавишу «Ответ», я набрал: «Пока что никаких успехов, ждите новостей». Отослав сообщение, я убрал устройство в каблук. Под душем я пробыл недолго. Смыл пот тренажерного зала и переоделся в свежее белье. Обувь, пиджак и плащ я оставил свои. Спустившись вниз, я застал в коридоре Захарию Бека и Дьюка. Оба были в плащах. Дьюк держал ключи от машины. Он до сих пор так и не помылся. Он по-прежнему казался усталым. Увидев меня, Дьюк недовольно нахмурился. Возможно, ему было неприятно видеть меня в своей одежде. Входная дверь была распахнута, и я увидел, как мимо проехала в старом запыленном «саабе» горничная, направляющаяся за покупками. Быть может, ей предстоит купить торт имениннице.

– Пошли, – сказал Бек таким тоном, будто нас ждала работа, а времени было в обрез.

Мы прошли через входную дверь. Металлодетектор пискнул дважды, по одному разу на Бека и Дьюка, а на меня промолчал. Воздух на улице был прохладный и свежий. На небе не было ни облака. На кругу у крыльца ждал черный «кадиллак» Бека. Дьюк открыл заднюю дверь, и Бек устроился сзади. Дьюк сел за руль. Я сел рядом с ним. Что показалось мне самым подходящим. Все молчали.

Дьюк завел двигатель, включил передачу и поехал по дорожке. Я увидел, как Поли вдалеке отпирает ворота для «сааба» горничной. Он снова надел костюм. Мы пронеслись мимо него и направились на запад, прочь от моря. Обернувшись, я увидел, как Поли закрывает за нами ворота.

Проехав пятнадцать миль в глубь материка, мы свернули на север, на шоссе, ведущее к Портленду. Уставившись вперед, я гадал, куда меня везут. И что будет со мной, когда меня доставят на место.

Меня привезли в морской порт, расположенный на окраине города. Над водой поднимался лес мачт, труб и надстроек, на причалах суетились огромные краны. На заросших бурьяном пустырях громоздились брошенные контейнеры. Вдоль низких пакгаузов сновали туда и сюда грузовики. В воздухе кружились чайки. Дьюк въехал в ворота на маленький дворик, залитый растрескавшимся бетоном, кое-где заплатанным асфальтом. Во дворе не было ничего, кроме сиротливого автофургона в центре. Это был грузовик средних размеров, переделанный из бортового пикапа, на раму которого установили большой фургон. Фургон был шире кабины и нависал над ней. Машина, какую можно найти в любом агентстве проката. Не самая маленькая, не самая большая. На фургоне не было никаких надписей. Грузовик был выкрашен синей краской, сквозь которую проступали ржавые подтеки. Он был старым и всю жизнь прожил на соленом воздухе.

– Ключи в кармане на двери, – сказал Дьюк.

Подавшись вперед, Бек протянул мне листок бумаги. На нем были указания, как найти какой-то адрес в Нью-Лондоне, штат Коннектикут.

– Отгонишь грузовик строго по указанному адресу, – сказал Бек. – Это стоянка, похожая на ту, где мы сейчас находимся. Там будет ждать другая абсолютно такая же машина. Ключи также в кармане на двери. Оставишь эту, а ту пригонишь сюда.

– И не заглядывай ни в ту ни в другую, – добавил Дьюк.

– Поедешь медленно, – продолжал Бек. – Не нарушай правила. Не привлекай внимание.

– А в чем дело? – спросил я. – Что в этих машинах?

– Ковры, – ответил у меня за спиной Бек. – Я думаю о тебе, вот и все. Тебя разыскивает полиция. Так что лучше вести себя тихо. Не торопись. Остановись, перекуси и выпей кофе. Веди себя естественно.

На этом инструктаж закончился. Я вышел из «кадиллака». В воздухе пахло морем, мазутом, автомобильными выхлопами и рыбой. Дул ветер. Со всех сторон доносились невнятный промышленный гул и крики чаек. Я направился к синему грузовику. Обошел его

сзади и увидел, что рукоятка дверцы фургона опломбирована свинцовой пломбой. Я открыл водительскую дверь. Нашел ключи. Сел за руль и завел двигатель. Пристегнулся, устроился поудобнее, включил передачу и выехал со стоянки. Бек и Дьюк, оставаясь в «кадиллаке», проводили меня взглядом. Их лица оставались равнодушными. Постояв на первом перекрестке, я повернул налево и поехал на юг.

Глава 04

Время неумолимо идет. Я мог думать только об этом. Мне предстояло пройти какое-то испытание, и это должно было отнять у меня по меньшей мере десять драгоценных часов. Лишние десять часов, которых у меня не было. А грузовик был хуже осла. Старый, упрямый. Двигатель громко ревел, трансмиссия скрипела и визжала. Подвеска была изношена, и машина моталась и раскачивалась. Но в зеркала заднего вида, огромные прямоугольники, прикрученные к дверям, было прекрасно видно все, что находилось сзади меня дальше чем на десять ярдов. Я направлялся по I-95 на юг, и все было спокойно. Я был уверен, что за мной никто не следит. Уверен, но не убежден наверняка.

Сбросив скорость, я вывернулся на сиденье, поставил левую ногу на педаль газа и разул правую ногу. Бросил ботинок на колени и одной рукой вытащил устройство электронной почты. Прижал его к рулевому колесу и, не отрываясь от дороги, набрал: «Срочно встречайте меня первая стоянка I-95 на южном выезде из Кеннебанка выезжайте немедленно захватите паяльник и свинцовый припой». Нажав клавишу «Отправить», я бросил устройство на соседнее сиденье. Сунул правую ногу в ботинок, поставил ее на педаль и выпрямился. Снова проверил зеркала. Ничего. Тогда я занялся математикой. От Кеннебанка до Нью-Лондона миль двести, может быть, чуть больше. Четыре часа со скоростью пятьдесят миль в час. Два часа пятьдесят минут со скоростью семьдесят, а семьдесят было максимум, что можно было выжать из этого драндулета. Поэтому у меня было не больше часа десяти минут на то, чтобы выполнить намеченное.

Я ехал вперед. Держал ровно пятьдесят в правом ряду. Все меня обгоняли. Никто не ехал за мной следом. Хвоста за мной не было. Я не мог решить, хорошо это или плохо. Возможно, альтернатива была еще хуже. Через двадцать девять минут я проехал мимо Кеннебанка. В миле за городом увидел знак стоянки. Он обещал еду, бензин и место для отдыха через семь миль. На семь миль у меня ушло восемь с половиной минут. Наконец я увидел узкую дорожку, отходящую от шоссе вправо и поднимающуюся вверх по склону через густые заросли деревьев. Видимость оставляла желать лучшего. Листочки были еще молодые и маленькие, но их было так много, что разглядеть что-либо было очень трудно. Стоянку я не видел. Взобравшись на гребень, я спустился на самую обычную стоянку у автомагистрали. По сути дела, это была широкая полоса асфальта с расчерченными по кривой местами для машин, и небольшая кучка приземистых кирпичных строений справа. За строениями виднелась заправка. Перед зданиями стояло с дюжину машин. Одним из них был «таурус» Сьюзен Даффи. Он был последним в левом ряду. Рядом с ним стояли сама Даффи и Элиот.

Медленно проехав мимо, я подал рукой знак обождать и остановился за четыре места от «тауруса». Заглушил двигатель и немного посидел в благодатной тишине. Убрал устройство электронной почты в каблук и зашнуровал ботинок. Затем постарался изобразить из себя нормального человека. Потянувшись, я открыл дверь, вылез из кабины и попрыгал на месте, словно разминая затекшие ноги и наслаждаясь свежим лесным воздухом. Пару раз обойдя вокруг машины, я осмотрел всю стоянку, после чего застыл на месте, не отрывая взгляда от подъездной дороги. На ней не было ни души. Со стороны шоссе доносился шум редких машин. Шоссе было достаточно близко, но все же его загораживали деревья, поэтому на стоянке чувствовалось спокойствие и уединение. Я отсчитал семьдесят две секунды, что на скорости пятьдесят миль в час составляет милю. На дороге так никто и не появился. А следить на удалении больше мили не имеет смысла. Тогда я побежал напрямик к Даффи и Элиоту. Элиот был без костюма и в такой одежде, похоже, чувствовал себя неловко. На Даффи были те же самые потертые джинсы и ношенная кожаная куртка, которые я уже видел.

Выглядела она в них восхитительно. Федеральные агенты не стали тратить время на приветствия, чем я остался доволен.

– Куда ты направляешься? – спросил Элиот.

– В Нью-Лондон, штат Коннектикут, – сказал я.

– Что в фургоне?

– Не знаю.

– Хвоста нет, – заметила Даффи.

Это было утверждение, а не вопрос.

– Возможно, электроника, – предположил я.

– Где она может быть?

– В фургоне, если у них хватило ума. Вы привезли паяльник?

– Пока нет, – сказала Даффи. – Но его уже везут. Зачем он?

– На фургоне свинцовая пломба, – объяснил я. – Надо будет поставить ее на место.

Она нетерпеливо взглянула на подъездную дорогу.

– Такую штуку быстро не достанешь.

– Давайте пока проверим то, что можно, – предложил Элиот. – Чтобы не терять времени впустую.

Мы бегом вернулись к грузовику. Нагнувшись, я заглянул снизу. Грузовик был покрыт толстым спекшимся слоем древней серой грязи, кое-где исчерченной подтеками масла.

– Только не здесь, – сказал я. – Для того чтобы добраться до металла, понадобится зубило.

Элиот обнаружил устройство в кабине через пятнадцать секунд после того, как начал поиски. Оно было прилеплено к поролону пассажирского сиденья с помощью маленькой полоски изолянта. Это была крошечная металлическая коробочка размером с четвертак и толщиной с полдюйма. От нее отходил тонкий проводок длиной дюймов восемь, судя по всему, передающая антенна. Зажав устройство в кулак, Элиот вылез из кабины и устался на подъездную дорогу.

– В чем дело? – встревожилась Даффи.

– Странно, – сказал он. – В таких штуковинах батарейка от слухового аппарата. Маленькая мощность, небольшая дальность. Дальше чем за две мили ее не поймает. Так где же тот, кто за тобой следит?

Подъездная дорога оставалась пустой. Я был последним, кто приехал сюда. Мы стояли, уставившись в пустоту. Наши глаза слезились на холодном ветру. За деревьями шелестели машины, но на дороге никто не появлялся.

– Сколько ты уже здесь? – спросил Элиот.

– Минуты четыре, – ответил я. – Может быть, пять.

– Ничего не понимаю, – сказал он. – Это значит, что тот тип должен был отстать от тебя на четыре или пять миль. А на таком расстоянии он ничего не услышит.

– Может быть, никого нет, – предположил я. – Может быть, мне доверяют.

– Тогда зачем ставить эту штуку?

– Может быть, ее и не ставили. Может быть, она здесь уже много лет. Может быть, про нее забыли.

– Слишком много «может быть», – сказал Элиот.

Резко развернувшись, Даффи всмотрелась в рожицу.

– Он мог остановиться на съезде с шоссе, – предположила она. – Смотрите, это как раз на одном уровне с нами.

Мы с Элиотом тоже повернулись направо и всмотрелись в рожицу. Да, предположение Даффи имело смысл. Глупо сворачивать на стоянку и ставить машину рядом с объектом наблюдения.

– Давайте посмотрим, – предложил я.

За узкой полоской стриженной травы следовала такая же узкая полоска, где край леса был укрошен аккуратными насаждениями. Дальше шли просто деревья. С востока их ограничивало шоссе, с запада стоянка, но в промежутке высились сорокафутовые великаны, растущие здесь, вероятно, с незапамятных времен. Пробраться сквозь эти густые заросли было проблематично. Повсюду были вьющийся плющ, колючие кустарники и низко опущенные ветки. Сейчас на дворе стоял еще апрель. В июле или в августе роща, наверное, становится просто непроходимой.

Мы остановились на самой опушке леса. Далее начинался засеянный травой луг вокруг развилки шоссе. Стараясь оставаться за деревьями, мы посмотрели направо и налево. На обочине ни одной машины. Развилка была пустынной. Движение по шоссе было редким. Случались промежутки секунд по пять, когда в поле зрения не оставалось вообще ни одной машины. Элиот снова пожал плечами, показывая, что он ничего не понимает. Мы развернулись и стали продираться назад.

– Чертовщина какая-то, – пробормотал Элиот.

– У них не хватает людей, – предположил я.

– Нет, они на федеральной магистрали номер один, – вдруг сказала Даффи. – Иных вариантов нет. Она тянется параллельно I-95 вдоль побережья. Идет от Портленда на юг. Наверное, почти на всем протяжении между дорогами не больше двух миль.

Мы снова повернулись на восток, как будто можно было увидеть сквозь деревья машину, остановившуюся на обочине далекого параллельного шоссе.

– Лично я поступила бы именно так, – сказала Даффи.

Я кивнул. Объяснение было вполне логичным. Конечно, имелись определенные технические проблемы. Если шоссе действительно отстоят друг от друга на две мили, любое смещение назад или вперед, обусловленное дорожными условиями, приведет к тому, что передатчик окажется вне зоны действия приемника. С другой стороны, Беку необходимо отследить мой маршрут лишь в самых общих чертах.

– Вполне возможно, – согласился я.

– Нет, вероятно, – сказал Элиот. – Даффи права. Этого требует здравый смысл. Они постараются как можно дольше не показываться в твоих зеркалах.

Я снова кивнул.

– В любом случае следует исходить из предположения, что они здесь. Как далеко автострада номер один идет параллельно I-95?

– До бесконечности, – ответила Даффи. – По крайней мере, дальше Нью-Лондона. Они расходятся вокруг Бостона, но затем снова сближаются.

– Хорошо, – сказал я, сверяясь с часами. – Я уже провел здесь около девяти минут. Достаточно для того, чтобы сходить в туалет и выпить чашку кофе. Пора возвращать электронику на дорогу.

Я попросил Элиота положить передатчик в карман и на «тауресе» Даффи ехать на юг, держа стабильные пятьдесят миль в час. Нам же предстояло догнать его на грузовике где-то перед Нью-Лондоном. Беспокоиться о том, как вернуть передатчик на место, будем потом. Элиот уехал со стоянки, и мы остались вдвоем с Даффи. Мы проводили взглядом скрывшийся в сторону юга «таурис», после чего повернулись к подъездной дороге. У меня остался час и одна минута, и мне был нужен паяльник. Время неумолимо шло вперед.

– Как там? – спросила Даффи.

– Кошмар.

Я рассказал про гранитную стену высотой восемь футов, про колючую проволоку, ворота и металлодетекторы в дверях, про комнату, которая запирается только снаружи. Рассказал про Поли.

– Моего агента не видел? – спросила Даффи.

– Я только что попал туда, – напомнил я.

– Она там. Я должна надеяться на это.

Я промолчал.

– Нам нужно какое-либо продвижение вперед, – сказала она. – С каждым часом, проведенным там, ты вязнешь все глубже и глубже. И тянешь за собой Терезу.

– Знаю.

– Что ты можешь сказать про Бека? – спросила Даффи.

– Он по ту сторону закона.

Я рассказал про отпечатки пальцев на бокале, про исчезнувшую «максиму». Затем рассказал про русскую рулетку.

– И ты играл?

– Шесть раз, – подтвердил я, не отрывая взгляда от подъездной дороги.

Она изумленно вытаращилась на меня.

– Ты с ума сошел! Шесть к одному – ты должен быть трупом!

Я улыбнулся.

– А тебе приходилось играть?

– Я никогда не пойду на это. Мне не нравится чересчур высокая вероятность разmozжить голову.

– Ты думаешь так же, как и большинство людей. И Бек так думает. Он полагал, вероятность один к шести. Но на самом деле вероятность один к шестистам. Или к шести тысячам. Если зарядить один тяжелый патрон в хорошо сработанный, ухоженный револьвер вроде «анаконды», будет просто чудо, если барабан остановится с патроном в верхнем положении. Вращательная инерция постарается развернуть его патроном вниз. Этому помогут точный механизм, немного смазки, сила тяжести. Я не идиот. Русская рулетка значительно менее опасна, чем думают люди. И ради того, чтобы меня наняли на работу, стоило пойти на такой риск.

Даффи помолчала мгновение.

– Какие у тебя мысли? – спросила она.

– Бек похож на торговца коврами, – сказал я. – Весь его чертов особняк завален этим товаром.

– Но?

– Но он не торговец коврами. Ставлю свою пенсию. Я попросил его рассказать про ковры, и он ограничился парой слов. Похоже, его это нисколько не интересует. Как правило, людям очень нравится говорить о своей работе. Если они начинают о ней рассказывать, их нельзя остановить.

– А ты получаешь пенсию?

– Нет.

В этот момент на гребне подъездной дороги показался серый «таурус», за исключением цвета полностью идентичный тому, на котором приехала Даффи. Водитель сбавил скорость, оглядывая стоянку, затем дал газу и подлетел прямо к нам. За рулем сидел пожилой агент, тот, кого я оставил в сточной канаве у ворот колледжа. Он резко затормозил рядом с моим синим грузовиком, открыл дверь и грузно вывалился из машины, точно так же, как вывалился из полицейского «каприса». У него в руке была черно-красная сумка из радиомагазина, наполненная громоздкими коробками. Показав сумку, пожилой агент улыбнулся и шагнул ко мне, протягивая руку. Он сменил рубашку, но костюм остался прежний. На месте застиранных подтеков фальшивой крови темнели пятна. Я представил себе, как агент стоит в ванной мотеля и трет пиджак губкой. Получилось у него неважно. Пиджак выглядел так, словно его обладатель пролил на себя кетчуп.

– Тебя уже посылают на задание? – спросил агент.

– Пока что не знаю. На пути к разгадке свинцовая пломба.

Он кивнул.

– Я так и подумал. С таким списком покупок что еще это могло быть?

– Тебе уже приходилось заниматься этим?

– Я воспитанник старой школы. В свое время мы делали это по десять раз на дню.

Машина сворачивает к придорожной закусочной, и мы успеваем все проверить еще до того, как парень закажет себе суп.

Присев на корточки, он вывалил содержимое пакета на асфальт. Достал паяльник и моток тусклого припоя. И переходник, чтобы подключиться к автомобильному прикуривателю. Это означало, что двигатель должен будет работать. Пожилой агент завел машину и сдал чуть назад, чтобы дотянулся провод.

Пломба представляла из себя вытянутую свинцовую проволоку с большими напаянными каплями на концах. Капли сжали друг с другом с помощью какого-то приспособления, так что получилась большая приплюснутая таблетка. Пожилой агент оставил сплюснутые концы в покое. Я понял, что он уже не раз проделывал это. Включив паяльник, он дал ему нагреться. Проверил температуру, плюнув на кончик. Удовлетворившись, вытер жало о рукав своего пиджака и прижал к проволоке. Свинец расплавился и разорвался. Пожилой агент расширил разрыв, словно открывая крошечные наручники, и вытащил пломбу из ушков. Нырнул в свою машину и аккуратно уложил ее на приборную панель. Я быстро повернул рычаг двери фургона.

– Ну, что мы имеем? – спросила Даффи.

Мы имели ковры. Дверь со скрежетом поднялась вверх, внутрь фургона хлынул солнечный свет, и мы увидели сотни две ковров, аккуратно скатанных, перетянутых бечевками и поставленных вертикально. Ковры были разных размеров; более высокие стояли у кабины, короткие ближе к двери. Они высились перед нами, подобно какому-то древнему скалистому образованию из базальта. Ковры были скатаны лицом внутрь, так что нам были видны лишь изнанки, грубые и однообразные. Они были связаны прочными лубяными бечевками, пожелтевшими от времени. В фургоне стоял сильный запах свежей шерсти, к которому примешивался более слабый аромат растительных красителей.

– Надо их проверить, – сказала Даффи.

В ее голосе прозвучало разочарование.

– Сколько у нас времени? – спросил пожилой агент.

Я взглянул на часы.

– Сорок минут.

– Тогда лучше проверить выборочно.

Мы вытащили пару ковров из первого ряда. Они были скатаны очень плотно. Без картонных трубок внутри. И туго стянуты бечевками. Один ковер был с бахромой. От него веяло застарелой плесенью. Узлы на бечевках от времени расплющились и набухли. Мы попробовали подцепить их ногтями, но у нас ничего не получилось.

– Наверное, их разрезают, – предположила Даффи. – Но для нас это исключено.

– Да, исключено, – согласился пожилой агент.

Я еще раз посмотрел на бечевку. Мне уже давно не приходилось видеть такой. Она была из какого-то натурального волокна. Джута или пеньки.

– Ну, что будем делать? – спросил пожилой агент.

Я вытащил другой ковер. Покачал его на руках, прикидывая вес. Похоже, он весил столько, сколько должен весить обычный ковер. Я его сжал. Он подался, но лишь немного. Поставив ковер на асфальт, я попытался согнуть его пополам. Он почти не прогнулся, как и должно быть с обычным туго скатанным ковром.

– Это просто ковры, – сказал я.

– А под ними ничего нет? – предположила Даффи. – Быть может, длинные сзади на самом деле вовсе не длинные. Быть может, они на чем-то стоят.

Мы вытащили ковры из фургона, укладывая их на асфальте в том порядке, в котором нам предстояло ставить их на место. Проложили случайным образом зигзагообразный проход в переднюю часть фургона. Длинные ковры были именно тем, чем они казались, – длинными коврами, плотно скатанными, стянутыми бечевками, поставленными вертикально. Среди них ничего не было спрятано. Выбравшись из фургона, мы встали среди беспорядочной кучи ковров и недоуменно переглянулись.

– Это «кукла», – сказала наконец Даффи. – Бек предположил, что ты найдешь способ заглянуть в фургон.

– Возможно, – согласился я.

– А может быть, он просто хотел на время избавиться от тебя.

– И заняться чем?

– Проверить тебя, – сказала она. – Чтобы убедиться наверняка.

Я посмотрел на часы.

– Пора убирать все обратно. Мне и так придется гнать как сумасшедшему.

– Я поеду с тобой, – сказала Даффи. – Я имею в виду, пока мы не догоним Элиота.

Я кивнул.

– Я сам хотел это предложить. Нам надо поговорить.

Мы загрузили ковры обратно в фургон, толкая и пиная их ногами до тех пор, пока они не встали на свои места. Затем я опустил дверь, и пожилой агент снова взял паяльник. Пропустив разорванную пломбу в ушки, он сдвинул концы проволоки. Нагрел паяльник, соединил жалом концы и прикоснулся припоем. Разрыв заполнился большой серебристой каплей. Она сильно отличалась по цвету и была значительно толще. С ней проволока стала похожа на рисунок, изображающий удава, проглотившего кролика.

– Не волнуйся, – успокоил меня агент.

Работая жалом паяльника, как крохотной кисточкой, он принялся разглаживать каплю, время от времени вытирая жало, очищая его от излишков припоя. Работа была очень тонкая. Пожилому агенту потребовалось три долгих минуты, чтобы пломба стала снова выглядеть так, как она выглядела до его появления. Наконец он дал ей немного остыть, после чего сильно подул. Новый серебристый цвет тотчас же сменился на серый. Мне еще не приходилось видеть такой качественной работы. Определенно, сам я так не сумел бы.

– Хорошо, – сказал я. – Отлично. Но тебе предстоит повторить это еще раз. Я должен буду пригнать назад другой грузовик. Нам придется осмотреть и его. Встречаемся на первой стоянке на выезде из Портсмута, штат Нью-Гемпшир.

– Когда?

– Будь там через пять часов.

Оставив пожилого агента на стоянке, мы с Даффи помчались на юг так быстро, как только я мог разогнать старую колымагу. Больше семидесяти она не выжимала. Грузовик имел форму кирпича, и сопротивление воздуха сводило на нет все попытки ехать быстрее. Но семьдесят миль в час тоже было неплохо. У меня в запасе оставалось несколько минут.

– Ты видел кабинет Бека? – спросила Даффи.

– Еще нет. Надо будет обязательно его осмотреть. Вообще нам нужно проверить всю деятельность Бека в порту.

– Мы уже работаем над этим, – сказала она. Ей приходилось говорить громко. На семидесяти рев двигателя и скрежет коробки передач стал вдвое хуже, чем был на пятидесяти. – К счастью, Портленд в этом отношении уже давно не дурдом. По грузообороту этот порт

занимает в Штатах сорок четвертое место. Около четырнадцати миллионов тонн импортных грузов в год. То есть около четверти миллиона тонн в неделю. На долю Бека, похоже, приходится тонн десять, два или три контейнера.

– Таможня осматривает его товар?

– Так же, как она осматривает все остальное. Сейчас проверяется около двух процентов всех грузов. Если Бек получает в год сто пятьдесят контейнеров, быть может, три из них подвергнутся досмотру.

– Так как же ему удается остаться непойманным?

– Ну, например, он может провозить свою гадость только в одном контейнере из десяти.

В этом случае вероятность нарваться на проверку снизится до нуля целых двух десятых. Таким образом можно продержаться несколько лет.

– Бек держится уже много лет. Не иначе он кому-то платит.

Даффи молча кивнула.

– Нельзя устроить так, чтобы к нему присмотрелись внимательнее? – спросил я.

– Без веских оснований нельзя, – сказала она. – Не забывай, мы действуем неофициально. Нам нужны убедительные доказательства. А потенциальное существование купленного таможенника превращает все в минное поле. Мы можем нарваться не на того, на кого нужно.

Мы ехали дальше. Двигатель ревел, подвеска раскачивалась. Теперь мы обгоняли всех. Я уже искал в зеркалах заднего вида не хвост, а полицейских. Наверное, удостоверение Даффи помогло бы решить все проблемы, но я не хотел терять время на переговоры с дорожной полицией.

– Какой была реакция Бека? – спросила Даффи. – Первое впечатление?

– Он был озадачен. И огорчен. Так мне показалось. Ты обратила внимание на то, что в колледже Ричарда Бека не охраняли?

– Безопасное место.

– Ничего подобного. Похитить парня из колледжа было бы проще простого. Отсутствие охраны означает отсутствие опасности. На мой взгляд, телохранители по дороге домой – это лишь ответ на манию преследования, которой страдает мальчишка. По-моему, это чистая блажь. Не думаю, что старик Бек считает это необходимым, иначе он позаботился бы и насчет охраны в колледже. Или вообще не пустил бы сына в школу.

– То есть?

– То есть, на мой взгляд, в прошлом была заключена какая-то сделка. Возможно, после первого похищения. И эта сделка являлась гарантией безопасности. Отсюда отсутствие охраны в общежитии. Отсюда недовольство и обида Бека. Он вел себя так, будто кто-то нарушил соглашение.

– Ты так думаешь?

Я кивнул, не отрываясь от дороги.

– Он был удивлен, озадачен и раздражен. Его основной вопрос был: «Кто?»

– Очевидный вопрос.

– Но только в устах Бека он звучал скорее: «Как они посмели?» В нем был особый подтекст. Как будто кто-то нарушил свои обязательства. Это был не вопрос. Это было обвинение в чей-то адрес.

– Что ты ему сказал?

– Описал пикап. Описал твоих ребят.

Она улыбнулась.

– Достаточно безопасно.

Я покачал головой.

– У Бека есть тип по фамилии Дьюк. Имени не знаю. Бывший полицейский. Глава службы охраны. Я встретил этого Дьюка сегодня утром. Он не спал всю ночь. Устал до предела и даже не успел принять душ. Его пиджак был мятый, внизу сзади.

– И что с того?

– Это означает, он всю ночь провел за рулем. По-моему, Дьюк ездил в Бостон, чтобы взглянуть на «тойоту». Проверить задний номерной знак. Куда вы ее поставили?

– Передали полиции штата. Чтобы быть ближе к правде. Мы не могли забрать ее в гараж нашего ведомства. Так что «тойота» где-то на полицейской стоянке.

– Куда приведет номер?

– В Хартфорд, штат Коннектикут, – сказала Даффи. – Мы там накрыли мелкую шайку, торговавшую наркотиком «экстази».

– Когда?

– На прошлой неделе.

Некоторое время я вел машину молча. Движение становилось все более оживленным.

– Наша первая ошибка, – наконец сказал я. – Бек обязательно проверит «тойоту». И задумается, почему какие-то мелкие торговцы «экстази» попытались похитить его сына. А потом обязательно задаст себе вопрос, как эти мелкие торговцы из Коннектикута могли попытаться похитить его сына через неделю после того, как их посадили за решетку.

– Проклятье! – выругалась Даффи.

– Это еще не все, – продолжал я. – По-моему, Дьюк видел и «линкольн». У машины смят перед и нет одного стекла, но в дверях ни одной пулевой пробоины. И салон совсем не выглядит так, будто в нем взорвалась настоящая граната. «Линкольн» – живое свидетельство того, что все похищение было полной туфтой.

– Нет, – остановила меня Даффи. – «Линкольн» спрятан. Мы не передали его полиции вместе с «тойотой».

– Ты уверена? Потому что сегодня утром Бек первым делом попросил меня рассказать подробно про «узи». У меня сложилось такое впечатление, словно он пытается заставить меня проклясть себя собственными устами. Два «узи микро», магазины по двадцать патронов, сделано сорок выстрелов, а в машине ни одного пулевого отверстия?

– Нет, – повторила Даффи. – Можешь не беспокоиться. «Линкольн» спрятан.

– Где?

– В Бостоне. Машина в нашем гараже, но по бумагам она находится в здании окружного морга. Она якобы является местом преступления. Телохранители якобы размазаны по салону. Мы заботились о достоверности. Мы все продумали.

– Кроме номеров «тойоты».

Даффи понуро опустила голову.

– Но с «линкольном» все в порядке. Он за сотню миль от «тойоты». Этому твоему Дьюку пришлось бы провести за рулем всю ночь.

– На мой взгляд, он как раз провел за рулем всю ночь. И почему Бек так заинтересовался «узи»?

Даффи помолчала.

– Нам нужно сворачиваться, – наконец сказала она. – Из-за «тойоты». Не из-за «линкольна». С «линкольном» все в порядке.

Я посмотрел на часы. Взглянул на дорогу впереди. Грузовик с ревом несся вперед. Скоро мы должны были нагнать Элиота. Я сопоставил время и расстояние.

– Нам нужно сворачиваться, – повторила Даффи.

– А как же твой агент?

– Твоя смерть ей никак не поможет.

Я подумал про Куина.

– Обсудим это позже, – сказал я. – А пока что мы остаемся в деле.

Мы нагнали Элиота еще через восемь минут. Его «таурус» упрямо, как скала, держался в правом ряду, сохраняя скромные пятьдесят. Я обогнал его и сбавил скорость. Мы обогнули Бостон и свернули на первую же стоянку к югу от города. Здесь жизнь была значительно оживленнее. Мы с Даффи семьдесят две секунды наблюдали за подъездной дорогой. Следом за нами на стоянку свернули четыре машины. Никто из водителей не обратил на нас внимания. В двух машинах были пассажиры. Все вели себя как и полагается на стоянке: потягивались, зевали, оглядывались вокруг и шли к туалетам и кафе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.